

Михаил Ахманов
Ливиец
Серия «Первопроходец», книга 2

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128319
Ахманов М. Ливиец: фантастический роман: Эксмо; М.; 2004
ISBN 5-699-06386-2*

Аннотация

Герой романа Михаила Ахманова – Андрей, прозванный Ливийцем, – живет в далеком будущем. Реальность превзошла самые смелые прогнозы фантастов – человечество решило все свои проблемы, освоило Вселенную, обрело безграничное могущество и даже бессмертие. Однако таким, как Андрей, скучно вести жизнь пресыщенных сверхчеловеков. Без памяти нет будущего, нет ответственности и осознанного выбора. А потому Ливиец раз за разом отправляет свою душу в эпохи войн, крови и несправедливости и, проживая все новые и новые мниможизни, по крупицам восстанавливает историю и культуру народов, оставивших в прошлом Земли размытые временем следы...

Содержание

01	4
02	6
03	9
04	17
05	30
06	39
07	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Михаил АХМАНОВ

ЛИВИЕЦ

01

Гигантский Южный Щит, даривший Антарду жизнь и благодное тепло, казался призрачной тенью в глубине ночного неба. Сейчас его гиперболоид был развернут боком и походил на лезвие искривленного меча, рассекающего вышитый яркими звездами полог от горизонта до слабо сиявших шлейфов, с их жилыми куполами, тороидами верфей и ретрансляторами. Такие серповидные клинки, не бронзовые, а железные, привозили в Египет из сирийских городов, и моя рука еще не забыла их смертоносную тяжесть.

Я поднял голову, всматриваясь вверх. Первый предвестник рассвета – небо чуть поблекло... Ночь выдалась безлунной, и оттого шлейфы, расходящиеся конусом, светятся сильнее, а звезды за ними горят, будто ледяные драгоценности в холодной космической тьме. Одни неподвижны, другие кто-то перекачивает по небосводу с края на край, швыряет горстями из бесконечности то к зениту, то к невидимой черте земной атмосферы. Те, что блестящими искрами стремятся вниз, – скутеры и челноки любителей сильных ощущений, а над ними, в вышине, меж звезд и мерцающих шлейфовых полос, плывут огни круизных лайнеров и боевых кораблей Констеблей. Сотни огней, рубиновых, алых, золотистых, изумрудных...

Земля дремлет, но небеса полны жизни, подумалось мне.

Земля и в самом деле еще не пробудилась. Сад, в котором росла одна-единственная яблоня-биоморф, раскинувшая вокруг похожие на сытых питонов ветви, и прораставшая сквозь них сирень, и золотистый тростник, оплетенный стеблями орхидей с резными, будто сотканными из ключев тьмы соцветиями, и купольный дом с парой Туманных Окон в глубине – словом, весь бьон¹ Октавии и все его окрестности казались нереальными, точно волшебный, скрытый от глаз людских карнавал плавающих в предутренних сумерках фантомов и масок. Сон в это время особенно крепок, и, покоряясь ему, дремлют травы и деревья, стрекозы и бабочки, вода и камни в ближнем ручье и даже неугомонное днем пернатое племя.

Октавия, моя возлюбленная с Тоуэка, тоже спала, и веера длинных пушистых ресниц колыхались на ее щеках в такт дыханию. Она была тут, рядом со мной, а ее мир, ласковая хризолитовая искорка, сияла где-то на другом конце Галактики. Ее безмерно далекий Тоуэк, невидимый среди светил земного неба... Однако ж, думал я, стоит приподняться, сделать несколько шагов, коснуться Туманного Окна – не серо-желтого, а другого, того, что переливается голубым и зеленым, – и вот он, Тоуэк, на расстоянии волоса! Сутки там побольше земных, и поэтому Тави, как урожденная фея-тоуэка, нуждалась в долгом и спокойном сне. Часов пять ежедневно, а то и шесть, если наши любовные игры затягивались сверх меры или были особенно бурными.

Хрупкая изящная фигурка, порывистость движений и привычка долго спать роднили Октавию с ее подопечными. Дети, пока не свершится первая мутация, тоже спят чуть ли не третью часть суток, а в стае двенадцатилетних девчонок-землянок моя подруга не выделялась ни ростом, ни сложением. Груды у нее были маленькими, стан – тонким и гибким, ноги – длинными, с узкими бедрами, и каждую из ягодиц я мог накрыть ладонью. Накрыть, погладить, поцеловать... Что и делал неоднократно в темноте, когда блистающий лик Южного Энергетического Щита отворачивался от Антардских островов.

¹ Объяснение терминов и понятий, отмеченных звездочкой, дано в комментариях.

В Койне* Продления Рода Тави очень ценили, считая едва ли не эталоном Наставника-Воспитателя. Дети и правда быстрее и легче сходятся с теми взрослыми, которые во всем на них похожи, не подавляют ни ростом, ни силой, не демонстрируют мощь интеллекта, стараются ответить на любой вопрос, а неизбежные свои ошибки и просчеты воспринимают с юмором. Эти ребячьи предпочтения нужно уважать. Хотя не прошедшие обеих мутаций еще не люди в полном смысле слова, они являются крохотным слепком с нашего общества, с любой и каждой человеческой культуры, что возникала и гибла со времени неандертальцев. Так было, так есть и так будет – поверьте, я знаю, о чем говорю. За мной опыт странствий в тех мрачных тысячелетиях человеческой истории, когда жизнь была коротка и существовал лишь один способ продлить ее – через своих потомков.

Над садом серело и розовело. Один за другим гасли шлейфы – Первый Нижний, Второй, Третий, потом Серебристый, Шлейф Дианы, Шлейф Джей Максима. Начали тускнеть заатмосферные огни и звездные россыпи, сменяясь видениями облаков, – они застыли жемчужными тенями на фоне наливавшихся алым небес.

Вдыхая ароматы сирени и пряных орхидей, я смотрел на спящую Тави. Прежде, когда я возвращался из дальних странствий, кожа ее была розово-белой, щеки – округлыми, личико – овальным, в ореоле пепельных волос, а глаза – зеленовато-серыми. Типичная тоуэка, грациозная, миловидная, сладко пахнувшая и – что скрывать! – соблазнительная, точно спелый финик. Особенно для мужчины, который много лет валялся на песке или на блохастых козьих шкурах и нюхал... Лучше не вспоминать, как пахли эти шкуры, как воняли котлы и потные тела моих сородичей! И чем несло из загонов, где грудились козы и ослы!

Нынче моя возлюбленная изменилась. Мы не расставались уже несколько дней, и ментальные флюиды, исходившие от меня минута за минутой, час за часом – особенно, думаю, в сладкие мгновения любви, – стерли с кожи Тави белизну, сделав ее медно-смуглой, щеки – впалыми, а личико – треугольным, плавно стекающим от широковатых скул к узкому изящному подбородку. Ее глаза и волосы тоже потемнели, словно вобрав в себя мрак ночных небес над Нильской долиной. Конечно, я не рассказывал своей подруге о Небем-васт, но память об арфистке из Танарена* была еще свежа, еще не покинула ни рук моих, ни разума, ни чресел, и потому, хотел я того или нет, ее знакомые черты проступали в лице Октавии. Метаспсихический резонанс, верный знак, что я был ей небезразличен! Во всяком случае, в такой же мере, в которой Небем-васт была небезразлична мне.

Она погибла под Аварисом* двенадцать тысяч лет назад. Я мог бы забрать ее душу с собой, спрятав в ментальной ловушке, и даровать ей в нашем времени новое тело и новую, почти бесконечную жизнь. Жизнь, но не цель... Что до цели, то эта проблема дебатруется не первый век, даже не первое тысячелетие, но, несмотря на радужные надежды супериоров и их упрямство, я полагаю, что она неразрешима. Для наших древних предков, яростно искавших смысл во всех глобальных категориях, в существовании Вселенной, пространства, времени и человека, фактически не было разницы между жизнью и целью. Такой уж был у них императив – не жизни, а, скорее, выживания... Для Небем-васт это означало не гневить богов, встречать молитвой солнце и в знак благодарности за посланное счастье таскать приношения в храм. Еще готовить трапезу для своего мужчины, содержать в порядке его дом, садиться к нему на колени... В нашем мире ничего не сохранилось из этих наивных радостей, разве лишь одна из вечных поз любви. Не думаю, однако, что Тави была бы довольна, увидев на моих коленях другую женщину. Поэтому Тави, нежная и теплая, здесь, а Небем-васт – всего лишь туман, растаявший во мгле тысячелетий.

Временами милосердие бывает так жестоко...

02

Энергетический отражатель, паривший в семи тысячах километров над моей головой, чуть дрогнул, добавив розового облакам и небу. Пастельный, слишком нерешительный мазок, чтобы пробудить мир Детских Островов, что назывался прежде Антарктидой, краем холода и льда. Этот факт древней этимологии отмечен, конечно, в Зазеркалье, но помнят о нем лишь историки, да и то один из десяти. Мало приятно соваться в файлы, реконструирующие былой Антард – пронзительный ветер и смертоносный холод, бешеную круговерть снегов над белой равниной, торосы, айсберги и бесконечную полярную ночь. Сам я в эти файлы заглядывал – так, из любопытства, ибо холодов не люблю. С тех пор не люблю, как шарили мы в Кольце Жерома под скудным светом Песалави, а затем копались в мерзлой глине на Панто-5, высвобождая какое-то древнее святилище. Впрочем, не уверен, что эта постройка являлась святилищем – размеры не впечатляли, а в культурном слое нашлись одни окаменевшие фекалии, спрессованные с листовными грамотами.

Признаюсь, что лед и снег, мрак и холод, как планетарный, так и космический, меня не вдохновляют. К лесам, горам, озерам и речным долинам я отношусь с меньшей неприязнью, но это тоже не мое. Нет, не мое! Я – человек пустыни, и если когда-нибудь умру, то среди песчаных дюн, уставившись выжженными глазами в знойное беспощадное небо.

Когда-нибудь умру!.. Демоны Песков! Будто я, носитель духа Гибли, великого вождя и колдуна, не умирал именно так дюжину раз! В остальных случаях мне протыкали печень копьем или дротиком, забрасывали камнями, душили тетивой от лука, били секирой в висок и, связанного, швыряли крокодилам. Думаю, последняя смерть была столь же антисанитарной и мучительной, как в зубах гиены, но это лишь мои предположения. Ни разу я не решился довести дело до конца и дать себя слопать живьем.

В небе посветлело, полыхнуло алым и золотистым, и запах сирени стал гуще – будто победный рокот труб, которому подыгрывают тонким ароматом скрипки-орхидеи. В ветвях яблони завозились, засверкали крохотные разноцветные комочки, потом один из них расправил лиловый шлейф-парашютик, шевельнул его краями и неспешно перебрался на янтарный колпак жилища Тави. Бескрылая птичка-медуза... Кажется, с Телирии или Банна... Дети любят с ними играть.

Стараясь не потревожить Тави, я осторожно поднялся и натянул короткие штаны с нагрудником. Нагрудники последнее время носили вычурные, кружевные, сотканые из яркого паутинного шелка, с орнаментом из нитей астабских пчел-жемчужниц. Кружева и орнаменты иногда заменялись личным гербом с девизом на каком-нибудь древнем языке, предпочтительно греческом или латыни. Что-нибудь этакое, с намеком – «*Magna res est amor*» или «*Calamitas virtutis occasio*», что означает «Великая вещь – любовь» и «Бедствие – пробный камень доблести». Ну, любовь – она всегда любовь, а вот бедствий, чтобы оттачивать на них свою доблесть, в наши времена не сыщешь. Во всяком случае, на Земле, но можно забраться на Панто-5 и углубиться с киркой и лопатой в те самые окаменевшие фекалии.

Да, так насчет нагрудников, шелков и всяких орнаментов с кружевами... Мои привычки скромнее: я сторонник серого, желтого и коричневого, тех оттенков, что теряются в песках пустыни, а из старинных девизов мне ближе всего «*Crede experto*» – «Верь опытному». Впрочем, я не выставлю своих пристрастий напоказ.

Тишина. Теплый ласковый полумрак и аромат женского тела... Ментальный образ Тави плывет в моем сознании – цветок на стройном стебле, запах шиповника и шелест листы под ласковым ветром... Яблоня, ограждавшая земную часть ее бьона, окружает нас сотней гибких толстых веток, в хаосе которых теряется главный ствол и пропадают многочисленные стволы-подпорки. Над этим темным ожерельем из сучьев, плодов и листы

уже стали проступать в светлеющем небе призрачные видения крыш соседних зданий, фантомы труб, башенок, флюгеров, шпилей и полоскавшихся на них вымпелов. То был район, в котором обитали Целители, Операторы и Наставники-Воспитатели Койна Продления Рода – небольшие особняки, бассейны, павильоны, умирительно мягкие и ровные лужайки, разбросанные в причудливом беспорядке среди ухоженной зелени. Словом, буколический пейзаж. Чуть дальше, за рошицами дубов, эльбуков и канадских кленов, высились строения поосновательней – учебные коллегии и развлекательные центры. Каждое на свой лад, то в виде уступчатой майяской пирамиды или башни рыцарского замка, то наподобие старинного дворца, античного храма, морского жилища-лагуны или скалы, прорезанной галереями и серебристой спиралью подъемника. Эти архитектурные изыски былых эпох рисовались скорее в моем воображении, чем в яви – их закрывали деревья, и лишь огромный ствол Координации Койна отсвечивал над ними вдалеке бледным нефритом.

Тави спала, подложив одну ладошку под смугло-розовую щеку и прижав другую к нежной маленькой груди. Бескрылые птички – те, что с Телирии, а может, с Банна – перепархивали над ней и, распустив свои летательные перепонки, усаживались на самом краю кровли-колпака. Ни дать ни взять скопище крохотных гномов, решивших полюбоваться на спящую принцессу...

Я не мог заподозрить их в желании любоваться чем-то другим – например, мною или роскошью жилища Тави. Сейчас я выглядел не самым лучшим образом, так как еще не избавился от последствий темпорального скачка. Инерция психики неизбежна: память о Небем-васт влияла на Октавию, и точно так же память о разбойнике-ливийце, чью плоть я носил семнадцать без малого лет, влияла на меня. Мои ладони были в мозолях от дротика и топорика, на груди красовался внушительный рубец, под мышкой – шрамы от львиных когтей, на голове – колтун из рыжеватой шерсти, который ни в одном из тысяч цивилизованных миров не признали бы волосами или, тем более, прической. В нашей компании психоисториков такой эффект называют мнемоническим эхом: вернулся в свое нетленное тело, не воевавшее, не трудившееся, лежавшее мирно в саргофаге хроноскофа, а через час-другой собственная плоть воспроизводит следы перенесенного. Стигматы бывают различными: шрамы от ран и побоев, выпавшие волосы и зубы, опухоли, ожоги, внутренние повреждения и всякая иная ерунда. Впрочем, ничего такого, с чем иммунная защита не справилась бы за два-три месяца.

Пройдет недолгое время, и шрамы рассосутся, руки станут гладкими, вместо рыжих зарослей вырастут нормальные волосы – мои, короткие, светло-каштановые. Потом померкнут воспоминания о Небем-васт, и Тави снова будет такой, какой я ее помню, знаю и люблю: милое округлое личико, зеленые глаза и кожа с жемчужно-розовым отливом. Но в ее доме вряд ли что-нибудь изменится.

Октавия, как я упоминал, с Тоуэка, с Нежданного Браслета. Планетарный радиус чуть меньше земного, соотношение воды и суши три к одному, материк охватывает планету по экватору, бури, пустыни, ледники и кровососущие насекомые начисто отсутствуют. Плюс фауна флорального типа, благоприятный для людей биоценоз и сказочный климат с ничтожными колебаниями температуры. Я мог бы припомнить кое-что еще про Тоуэк, не менее любопытное – о растениях-симбионтах, целебных водах и чудесных фруктах, облачных мотыльках и потрясающих полотнах мастера Сиддо, но все описания меркнут перед единственным, но емким словом: рай. Во всяком случае наши наивные предки, мечтавшие о Парадизах и Элизиумах, сочли бы Тоуэк раем.

В понятиях обитавших там людей, а значит, и моей подружки, дом являл собой поляну с разбросанными тут и там беседками, легкими куполами и тентами, с живыми пнями и кочками, игравшими роль столов, кушеток и кресел, с садом-биоморфом, кормившим своего хозяина и украшавшим его жизнь приятными запахами и мелодичными звуками. Не стану утверждать, что недостаток мебели так уж плох – кочка, служившая нам ложем, была на

диво мягкой, покрытой тканью или большим бархатистым листом и пахла именно так, как пахнет постель в раю: женщиной после грехопадения.

Кажется, к последнему я тоже был причастен...

Небо продолжало теплеть и светлеть. В листве, чья чернота уже сменилась зеленью, мелькнула гибкая фигурка зверька: длинные лапки, опушенные сероватым мехом, хвост – чередование коричневых и белых колец, кофейная грудка со снежным воротничком. Хомми, молоденькая обезьянка, одна из зверушек-приживалок в доме Октавии... Я спроектировал ей образ яблока – небольшого, золотистого, исходящего соком. Хомми, обнаружив спелый плод, бросила его мне и, весело скаля зубки, уставилась на нас с Октавией. Мысли ее скользили, как говорится, на поверхности: вот сейчас большой самец прикончит яблоко, потом скинет эту нелепую одежду, нырнет под одеяло к своей подружке, и они... Было у меня подозрение, что Хомми, еще не испытав радостей любви, стремится набраться опыта при всяком удобном случае.

Откусив от яблока, я вообразил, как огромная уродливая горилла подбирается к Октавии. Хомми панически взвизгнула и исчезла, а Тави пошевелилась и, не открывая глаз, схватила меня за руку:

– Ливиец? Ты что меня пугаешь, Ливиец?

– Не тебя. Совсем другую девушку, мохнатую и слишком любопытную.

– Прогнал? – пробормотала Тави, прилаживаясь щекой к моей ладони. Я показал ей порыв ветра и улетающий вдаль серый шерстяной комочек. – Хорошо... – Губы ее сомкнулись, и, на грани ментального восприятия, я расслышал: «Теперь спи, Андрей... спи, милый... Еще рано...»

«У жителей Земли ускоренный метаболизм. Мы не умеем так долго спать», – беззвучно возразил я, склонившись над нею.

«Тогда уходи или сядь рядом и береги мой сон. Любуйся мной... Думай о карнавале, веселье и сочных арнатах... Мы ведь отправимся на карнавал, да?»

– Непременно, – сказал я, поглаживая темные волосы Тави. Пусть ей приснится карнавал... Сумеречная зона на Меркурии, небо в фиолетовых облаках, край ослепительного солнца над зубцами утесов, хрустальное ожерелье Пятиградья и равнина с арнаатовыми деревьями... А среди них – шатры, навесы и беседки, столы и чаши с грудями плодов, множество ярко одетых людей, пьянящий сок в широких полусферических бокалах, музыка и плывущие в воздухе картины...

Улыбаясь этим мыслям, я направился к жилому куполу. Ковер из голубого мха пружинил под ногой и, ощущая мое присутствие, мерцал цветными пятнами – синим над скрытой сейчас поверхностью маленького бассейна, оранжевым и желтым в тех местах, где затаились предметы, что заменяли Октавии мебель. Если не считать ковра и этих пятен, мелькающих повсюду, а еще янтарного света, профильтрованного колпаком, купольный домик был абсолютно пуст. Обманчивое впечатление! Стоило мне приблизиться к Окнам, как мох раздался, и из прорех пошли вылезать одно за другим кочки-кресла, столик-пень и какая-то ажурная конструкция, в которой я опознал синтезатор. Он развернулся с тихим звоном, и над приемной панелью проплыла тарелка с чем-то ароматным, дразнящим, а за ней – кофейник, чашки и блюдо с фруктами.

– Убери. Я не хочу кофе. – Мой голос разрушил фантом завтрака. На миг я замер между Окнами, словно выбирая, в какое шагнуть, потом коснулся ладонью неощутимой серо-желтой мембраны, повернул голову и бросил взгляд на спящую Тави. Если не напрягать глаза, она была сейчас неотличима от Небем-васт... Вздохнув, я шагнул в Окно и очутился в собственном доме.

03

Здесь, в уэде Джерат, в сахарском заповеднике Хоггар-Тассили, стояло позднее утро. В холле, длинной узковатой комнате, дальний конец которой уходил в скалу, мной не чувствовался, но на галерее, у тонких прозрачных стен из оксинита*, было жарковато. Солнце плавило выцветшую синеву небес, раскаленный воздух струился над барханами и бурными трещиноватыми скалами, порывы ветра кружили песок, сталкивали смерчи друг с другом, бросали их на камни. Пожалуй, здесь ничего не изменилось за прошедшие тысячелетия, но не природа хранила эту частицу Сахары, а воля человека: от Джерата заповедник тянулся на семьсот километров в любую сторону. На северо-востоке и юге он граничил с жилыми зонами у берегов Ливийского и Нигерийского морей, а на западе, за плато Танезруфт, лежала обильная водой саванна, где водились мастодонты, шерстистые носороги и саблезубые тигры. Там тоже был заповедник, на месте бывшей пустыни Эль-Джуф.

Сенеб, мой дом и хранитель бьона, приветствовал меня бравурной мелодией и вспышкой пламени в камине. Он конструкт* и потому удостоился имени; хоть не совсем разумное существо, зато на редкость преданное и заботливое.

Музыка отзвучала, и Сенеб спросил:

– Чай с булочками, магистр?

Дом знает мои вкусы и полон уважения к хозяину: магистр, и никак иначе! Хотя последние три столетия меня обычно зовут Ливийцем.

– Чай? Не откажусь. – Полюбовавшись языками пламени в камине, я сел в кресло, вытянул ноги и повернулся к Туманным Окнам. В холле их три: одно, из которого я вынырнул пятью минутами раньше, ведет к Октавии, другое – в мой кабинет в меркурианской половине бьона, а третье – обычный стандартный портал. Сейчас он связывал мой дом с базой Реконструкции под Петербургом.

Узкая щель прорезала стену, в воздухе поплыл поднос с дымящейся чашкой и горкой булочек.

– Есть сообщение от Давида, – вымолвил Сенеб. – Интересуется, когда вы закончите работу над отчетом.

Голос его изменился: чай мой дом предлагал нежным контральто, а сейчас прозвучал сухой деловитый баритон. Сенеб лишен видимого облика, но речью, звуками и запахами умеет пользоваться виртуозно.

Поднос замер у моего локтя. Я отхлебнул золотистый настой, потом впился зубами в булочку. То и другое было великолепным. Просто восхитительным, особенно на взгляд человека, почти забывшего о благах цивилизации. В Древнем Египте, конечно, умели делать превосходные напитки, хороший хлеб и всяческие лакомства, но Яхмос был владыкой суровым и не баловал деликатесами своих солдат, особенно ливийских и эфиопских наемников. В наш рацион входили лук, чеснок, каша из полбы, жидкое пиво и временами финики. Правда, став предводителем отряда, я получил возможность оттянуться.

– Координатор Давид просил передать, что торопиться нет нужды, – прежним суховатым тоном сообщил Сенеб. – Хотя магистр Гинах очень хотел бы повидать вас и...

Я помахал рукой, и дом замолк. Гинах вернулся три месяца назад и уже успел разгрузиться. Улов у него был богатый; не считая обычных сведений, интересных для психохистории, он раздобыл подлинный текст отчета Ганнона о путешествии на запад, за Столбы Геракла или Мелькарта, как их называли в пунической традиции. Мы с Гинахом занимались смежной тематикой: я – ливийцами, он – историей Карфагена, что контактировал с ливийскими племенами на протяжении многих веков. Однако работали мы не в фазе, ибо Карфаген был основан за восемьсот лет до новой эры, а я в те годы еще не добрался. О поздних

ливийцах – тех, которые то нанимались в армии карфагенян, то сражались с ними, устраивая бунты и набеги, – я не мог рассказать ничего интересного. Пока не мог. Через восемьдесят лет реального времени ситуация могла перемениться.

Фантомные языки огня метались в камине, соперничая яркостью красок с Туманным Окном – тем, что соединяло земную и меркурианскую части бьона. Стандартный портал был, как и положено, затянут серебристым, а в Окне, ведущем к Тави, плескалась синева. Я сидел расслабившись и думая о том, как приятно вернуться домой, вернуться во всех смыслах – в свою эпоху, в свое жилище и в собственное тело. Тут было так много привычного, хорошего – ощущение данной с рождения плоти и этот прохладный холл с камином, с дверьми, ведущими в спальню, и пространственными воротами; полные жизни небеса и мирная зелень Антарда; внимание коллег; заботливый Сенеб; чай, приготовленный им, и сладкие булочки... Было и кое-что еще, не просто хорошее, а прекрасное – руки, губы и глаза Октавии. Я чувствовал, как семнадцать лет мниможизни уходят в прошлое, проваливаются в никуда, и вместе с ними тает память о Небем-васт. Я еще вспомню о ней и вспомню эти годы, час за часом, день за днем, но это будет в Зазеркалье, в континууме Инфонета, в таком же почти нереальном существовании, как моя жизнь в облике Гибли в Ливийской пустыне.

– Для вас есть еще одно сообщение, магистр, – вкрадчивым бархатным голосом произнес Сенеб. – От старого, очень старого друга. Он сказал, что не виделся с вами целое столетие, но надеется, что вы о нем не позабыли. Его зовут Саймон, ксенолог.

Я замер, приоткрыв рот, потом сунул в него остаток булочки и энергично прожевал. Саймон, надо же! Мог ли я забыть его? Нет, клянусь теен и кажжа! С ним и с Корой, моей подругой, мы работали в системе Песалави и на Панто-5, а еще на Бу-Банге, Топазе и Нейле, где похожие на стрекоз аборигены собирают мед тысячи сортов. Не всякий их мед подходит для гуманоида с земным метаболизмом, и однажды Саймон...

– Желаете связаться с вашим другом? – спросил Сенеб, прервав мои воспоминания.

– Да. Разумеется! – Я оттолкнул поднос, и тот неторопливо направился к стене, а затем исчез в щели рециклера*, оставив слабый запах чая и сдобы.

Стена с частью камина тихим перезвоном растворилась в ви-проекции*. Я увидел обширный покой дисковидной формы: пол, плавно перетекающий в потолок, слабое свечение, что опоясывало комнату, нити причудливой паутины – они, казалось, вырастали прямо из воздуха. На планетарное жилище это не походило; скорее, ячейка где-нибудь в космическом поселении или на борту круизного корабля. В центре паутины парил человек – крупный, мощного сложения и почти нагой, если не считать мерцающего ореола вокруг бедер. Рядом с ним, на расстоянии протянутой руки, плавала в невесомости пара инфонетных капсул.

Человек прикоснулся к одной из паутиных нитей и сел. По его лицу, расслабленному, с полузакрытыми глазами и ярким пятном рта, скользнула усмешка.

– Тайтеро тилланаги прор опата зз'нуку!

Приветствие туземцев Нейла: чтобы твой зародышевый прор вздулся от личинок. Они придают большое значение воспроизводству потомства.

– Тайтеро зз'нукус этака ма, – произнес я, с некоторым усилием достигнув нужной артикуляции. – Чтоб у тебя тоже вздулось.

Мы захохотали, потом Саймон звонко хлопнул ладонью по голому колену:

– Не забыл еще нейл'о'ранги?

– Такое не забывается. Этот язык, эти крылатые создания и мед, который ты...

Он ухмыльнулся и тут же скорчил жуткую гримасу:

– Ни слова более, Андрей! Никто из нас не застрахован от ошибок. Кроме Носфератов, но к ним я не тороплюсь.

Это был все тот же Саймон, неунывающий и улыбчивый, как солнце в погожее утро. Я чувствовал, что нас разделяют космические пропасти, но, преодолев безмерность расстояний, его аура обволакивала меня теплом – не тем знойным и губительным жаром, которым дышат раскаленные пески, а теплотой дружеского участия. Хоть мы трудились в разных койнах, он, несомненно, входил в мою вару* – так же, как Октавия, немногие мои друзья и бывшие возлюбленные вроде Кору. Это предполагает особую близость. Койн всего лишь общественный институт, пожалуй, единственный, что сохранился в наше время; он объединяет миллионы и уже поэтому не в силах заменить ни рода, ни семьи. Другое дело вара, своеобразное братство, где люди связаны не профессиональным интересом, а симпатией, духовной близостью и, наконец, любовью. Род и семья исчезли, но им на смену появилась вара – как знак того, что человек, хоть и сравнившийся мощью с богами, жить в одиночестве не может.

Застыв в невесомости над своей паутиной, Саймон молча разглядывал меня. Потом произнес:

– Твой дом утверждает, что прошло двенадцать дней, как ты вернулся. Но эти волосы и кожа... и эти шрамы... Крепко досталось?

– Крепко, – подтвердил я.

– Где ты был? Когда?

– В Ливийской пустыне, а после – наемником в Египте. Командовал отрядом копьеносцев, бился с эфиопами на юге, с гиксосами* на севере. Штурмовал Аварис с войсками Яхмоса.

Наморщив лоб, я перешел на певучий язык Та-Кем*, Черной Земли. Внимая этим звукам, Саймон задумчиво хмурился.

– И что это значит?

– Мы шли перед фараоном, как дыхание огненное, и растекались по земле, как гнев Сохмет*. Мы были, как львы, – терзали врагов и брали в добычу скот, зерно и серебро. Гиксосы, дети праха, бежали от нас словно гонимые ветром пустыни. – Помолчав, я добавил: – Так говорилось в папирусах Нового царства. Теперь я увидел это своими глазами.

– А где тебя приложили? – Он уставился на шрам под моей ключицей.

– При осаде Шарухена*, на юге Палестины. – Я погладил шрам пальцем. – Это железный сирийский клинок, Сай, и за него держался здоровенный аму* или хабиру*... словом, азиат твоей комплекции. Перерубил мне ребра и проткнул сердце. Смерть была быстрой.

Мой друг неодобрительно покачал головой:

– При чем тут комплекция? Мне думалось, ты ловчее...

– Ну, как было сказано, никто не застрахован от ошибок. – Поднявшись, я сделал шаг к невидимой завесе, что отделяла мою комнату от жилища Саймона. – Где же ты был все эти годы, дружище? И где ты сейчас?

– В Архибе, под кольцами Сатурна. Отдыхаю. – Он повел рукой, и потолок исчез. Там, в темной глубине, пылали звезды и, затмевая их, мерцал гигантский серебристый шар, окруженный плоским кольцом из льда, камней и пыли. Кольцо выглядело сплошным, если не считать щели Кассини, разделявшей его наружную и внутреннюю часть; звезды, сиявшие в черном провале щели, казались пойманными в ловушку светлячками. Архиба, одно из космических поселений в Сатурнианском шлейфе, славилась этим чарующим видом и всякими иными развлечениями – насколько мне помнилось, не очень шумными. Прогулки в парках под светом Сатурна, полеты к кольцу, экскурсии на Титан, Рею и Тефию плюс превосходная кухня... Еще Дом Уходящих – для тех, кто отправлялся к Носфератам. Когда-то я провел здесь несколько дней вместе с Корой, лет за семь до того, как мы расстались.

Саймон, помнивший о Коре и нашей великой, но скоротечной любви, глядел на меня с улыбкой.

– Сейчас я здесь, а до того был в Рваном Рукаве, в Воронке, – сообщил он. – Большая экспедиция Чистильщиков, сотни кораблей, два Носферата и уйма спецов с половины Галактики. Порталов там нет, доступ любопытным ограничен, связаться трудновато. Так что извини... – Саймон развел руками. – Но обещаю искупить молчание! И непременно искуплю. Во-первых, личным присутствием, а во-вторых... – Он выловил одну из информационных капсул, осмотрел ее, хмыкнул, отбросил и схватил другую. – Вот! Подарок тебе приготовил. Оригинальная запись с Пепла, возраст – двести двадцать миллионов лет.

Подарок есть подарок, и я с благодарностью кивнул. Сказать по правде, чудовищная война, отгремевшая в неизмеримой древности, не слишком меня занимала. Если верить Сенебу, который вел статистику моих темпоральных авантур, мне довелось участвовать в сорока трех войнах, не считая пограничных стычек и грабительских набегов. Конечно, в сравнении с космическими битвами масштаб был не тот, но сути это не меняло: земные войны оставляли пепел на месте городов, космические – засыпанные пеплом планеты.

– Ты знаешь код моего портала, – произнес я. – Жду. Может быть, явишься прямо сейчас?

– Немного попозже, Андрей. Сейчас ты занят, готовишь отчет, не так ли? А кроме того, – Саймон таинственно подмигнул, – я здесь не один.

Женщина?.. – подумал я. Саймон любил женщин и часто менял подруг. По его словам, склонность к непостоянству перешла к нему от предков, но вот от каких? Народы и расы частью перемешались еще в Эпоху Взлета, частью были уничтожены; затем, в период экспансии на Поверхность, жители подземелий, многочисленные, как муравьи, поглотили племена одичавших. Их кровь – в наших жилах, но можно ли сказать, от кого происходит каждый из нас?

– Ты слышал о карнавале в Пятиградье? О том, что бывает каждый стандартный год в Долине Арнатов? – спросил я. – До него четыре дня. Встретимся там. Я буду со своей подругой, а ты приводи свою.

Саймон снова подмигнул мне:

– Я не с подругой, а с приятелем и потому не возражаю, если девушек будет побольше. Видишь ли, приятель мой издалека. Очень любопытный! Интересуется всеми аспектами нашей жизни.

– Он что же, не человек?

– Человек. Во всяком случае, был им.

Скорчив загадочную мину, Саймон отключился. Пару минут я размышлял, кем может оказаться его приятель. Кто он такой? Инопланетное создание, в чей мозг имплантирован человеческий разум?.. Какой-нибудь оригинал с модифицированным телом, с обликом кентавра, крылатого эльфа или гоблина?.. Некто, изменивший свою плоть в стиле и форме фантазий Зазеркалья?..

Покачав головой, я дал распоряжения Сенебу насчет вечерней трапезы (фрукты, сыр, грибы, рагу из овощей – Октавия не ела мяса) и вышел на галерею. Она охватывает внутренние помещения со всех сторон, с учетом того, что половина дома на Земле, тогда как другая – на Меркурии, у самой границы Сумеречной зоны. Дом, массивное квадратное сооружение, земной своей половиной выступал из высокого крутого утеса, меркурианской – из склона кратера Маринер-10. Холл и спальня глядели на скалы Джерата, а кабинет и комнаты гостей – на Море Калорис, пышущее зноем за силовыми экранами, в трех километрах к востоку от кратерной стены. Пара Туманных Окон, перекрывающих сечение галереи, позволяет обойти ее, не заглядывая в холл. Если начать с левого Окна, рядом с которым изображение стада жирафов, то до угла будет шестнадцать шагов, потом тридцать два вдоль фронтона, поворот и снова шестнадцать до правого Окна. Семнадцатый шаг уже не на Земле, а на Меркурии, и здесь все повторяется: поворот, прогулка вдоль фронтона, еще поворот, и к левому Окну.

Шагая по галерее, я озираю свой бьон, свое поместье на границе двух миров: то бурые скалы и желтый песок под голубыми небесами, то выжженный обрывистый склон, багровые и алые камни, и над ними – краешек гигантского солнца Меркурия.

Но сейчас я не собирался мерить шагами галерею. Все мое время: час любви сменяет отдых, а беседу с другом – труд. Во всяком случае, так заведено у нас, людей, и этим мы отличаемся от Носфератов, Галактических Странников, или, к примеру, от мыслящей плесени с третьей планеты Альтаира.

Не терплю работать в кабинете. Я полевой агент, меня, как волка, ноги кормят, и потому работа воспринимается мной как активное действие. Мыслительный процесс тоже связан с движением – для этого и существует галерея, тридцать два шага от угла до угла. Кабинет скорее дань традиции, символ достоинства магистра, нечто совсем не обязательное для реальных дел. В конце концов, каждый из нас, музыкант ли, художник, историк или математик, работает с компьютерной сетью, а войти в нее можно в любой точке земного, околосолнечного или межзвездного пространства. Кабинеты для этого не нужны.

Оксинитовые стены галереи, раньше прозрачные, чуть потемнели, поглощая избыточный свет. Я сбросил одежду и обувь, щелкнул пальцами – дверь отъехала в сторону, и солнечное сияние поглотило меня. Каменные ступеньки под босыми подошвами были горячи, пара солнц, повисших в небе и отраженных в стене, струила яростный жар на грудь и спину, ветер швырял песок в лицо. Полдень, самое пекло, самое страшное место Сахары... Ни один из психогенных носителей, в чьи тела я вселялся, не выдержал бы тут и трех часов; любой высох бы под этим солнцем, отдал бы воду жизни, как говорили темеху*, мои соплеменники. Их тела – и тело Гибли, ливийского вождя, военачальника фараона Яхмоса – были не такими совершенными, как наши, не способными сопротивляться холоду и зною, ранам, болезням, старости и смерти.

Я вздрогнул – сработала защитная терморегуляция, на лбу выступил и тут же высох пот. Песок под ногами уже не казался обжигающе горячим, солнце грело, а не жгло, кровь не грозила закипеть и выплеснуться из жил, прорвав кожу. Когда с физиологией в порядке, начинаешь ощущать красоту пустыни: величие серых и красно-бурых скал, глубину знойного безоблачного неба, беспредельность усыпанных песком пространств, что тянутся от узда Джерат на все четыре стороны – молчаливые, сверкающие бледным золотом. Когда-то здесь текли ручьи, и в саванне, обильной водами и травами, кипела жизнь, но нынче напоминают о ней лишь рисунки на скалах, те, что старше пирамид и всех иных рукотворных художеств, египетских или шумерских.

Мой дом окружен древними картинами, призраками и тенями минувшего. Слева от галереи, на серой с прожилками кварца скале – стадо жирафов, к которым подкрадывается леопард, а справа, где высится красноватый утес, – два мощных быка с рогами, подобными полумесяцу. Дальше растянулся целый фриз: антилопы и слоны, львы, лошади и носороги, пальмы с перистыми листьями, страусы и смуглые люди с копьями. На каждой плоской поверхности что-то нарисовано: животные или птицы, сцены охоты, поклонения богам, ритуальных плясок, выпаса коров или доисторических любовных игр. Я побывал в том времени, когда создавались фрески Тассили – давно, за десять тысяч лет до новой эры, когда Сахара была цветущим садом. Древние охотники и пастухи, что населяли этот край, не имели отношения к ливийцам. Невысокие, изящные, темноволосые и темноглазые, со смуглой кожей, они являлись прародителями египтян. По мере того как Северная Африка пересыхала, они мигрировали на восток и юг, к великим рекам – Нилу, Нигеру, верховьям Конго; те, что осели в долине Нила, смешались с пришельцами из Азии, образовав хамитскую подрасу. Их место на средиземноморском побережье и в засушливой саванне заняли другие племена, мигранты из Иберии и с островов, народ совсем иного склада – рослые, рыжие и белокожие, с серо-зелеными глазами. Жители Та-Кем называли их темеху и техени*, римляне – либанос.

Ливийцы... Я собирался вернуться к ним – правда, не во плоти, а лишь в своих воспоминаниях.

Песок у лестницы, ведущей в дом, был испещрен следами ветра, гребешками мелких волн, с которых срываются и кружатся в потоках воздуха пылинки. Среди них, будто остров в миниатюрном океане, лежит шероховатый камень, большой базальтовый валун с округлой выемкой со стороны заката. Священный древний камень, трон вождя или жреца, а для меня – место раздумий и воспоминаний.

Я сел. Выемка была такой, что в ней свободно умещался взрослый человек. Твердый прочный камень подпирал мне спину и был горяч, но жар его казался приятным, словно тепло от ладошек Октавии. На миг я представил ее черты, и тут же перед мысленным взором закружились, замелькали другие лица – Саймона, координатора Давида, Гинаха, Егора и Витольда, моих коллег, подружек Тави с Тоуэка. Хоровод моих знакомцев из текущей реальности постепенно менялся, включая все новых и новых персонажей: Небем-васт с потупленным взором, сурового горбоносого Яхмоса, чезу* Хем-ахта, молодого Инхапи, рыжего Иуалата и других ливийских воинов – Усуркуна, Масахарту, Псушени, Осохора. Отличный способ сосредоточения – представлять их одного за другим, рассматривать эти надменные, грозные, хищные физиономии, более похожие на морды гиен, гепардов и волков, чем на обличье человека.

Пелена Инфонета всколыхнулась перед мной и раздалась, свернувшись серыми ключьями. Я был сейчас на грани двух миров, реальности и мниможизни Зазеркалья. Реальный мир включал Вселенную с ее полями и частицами, разумной жизнью и причинно-следственным законом; потоки времени текли в ней от Большого Взрыва и разбегания галактик до сжатия и неизбежного коллапса. Мниможизнь, или Вселенская Инфосфера, относилась к творениям разума, создавшего компьютерную сеть; в чем-то она отражала реальность, но, подчиненная людским желаниям, мечтам и воле, была несравнимо более гибкой и причудливой. В определенном смысле Зазеркалье являлось тем магическим континуумом, где происходят чудеса: время поворачивает вспять, рыбы парят в поднебесье, и оживают мертвецы, давно рассыпавшиеся в прах.

Обычно я связываюсь с Инфонетом мысленным усилием, без интерфейсного обруча. Многим этот фокус не под силу – одним мешает лень, другим снобизм, а третьим – излишнее доверие к машинам. Машины, конечно, облегчают жизнь, но я привержен старым ценностям и полагаю, что технология, лежащая вне человека – вернее, вне его ментальных и физических возможностей, – потенциально опасна. Это мудрый принцип; Носфераты, к примеру, обходятся вообще без машин.

Бестелесный, невесомый, выпавший из пространства и времени, я парил в пустоте, разглядывая гигантский лабиринт. Трехмерная структура переплетающихся, пересекающих друг друга линий и фигур словно уходила в бесконечность, напоминая источенную ходами гроздь алмазов, что заполняла Вселенную. Глаз привычно выхватывал знакомую фигуру, спираль, завиток кохлеиды, эллипсоид, тор или кольцо; они приближались, повинувшись моему желанию, росли, заполняли мир Зазеркалья, начинали переливаться и сиять яркими красками, фонтанировать потоками образов, глифов, символов, испускать разноцветные лучи или целые протуберанцы, огромные колонны и арки пламени в ореолах миллиардов искр. Глиф Реконструкции Прошлого, двойная спираль, пронзавшая сферу, в которой угадывался земной шар, неторопливо наплывала на меня, разбрасывая блески звезд и крохотных комет. Спираль являлась информационным мегалитом, хранившим совокупность данных о человеческой истории; искры, кометы и звезды были открытыми порталами для входа в мегалит, общественными форумами и магистралями, ведущими к другим информполям, архивами, еще подлежащими обработке, и личными сайтами членов Койна.

Искра, мерцающая желтизной песков и серым цветом скал, вспыхнула, точно невиданное солнце, разгорелась и заслонила спираль мегалита. Я – по-прежнему бестелесный дух среди призрачных конструкций – погрузился в ее сияние словно ныряльщик в воду. Тут же все переменилось; телесный облик, тактильные ощущения, привычная тяжесть, чувство времени и ограниченности пространства вернулись ко мне. Я стоял в точном подобии своего холла: слева – синтезатор, щель рециклера и проход в ванную, справа – камин, кресла, стол и двери в спальню, а в глубине – Туманные Окна. Все это, включая мои чувства и тело, являлось иллюзией, миражом; холл, преддверие моего сайта и в этом измерении чудес, мог выглядеть как угодно. Да и сам я обладал способностью к любой метаморфозе – скажем, мог обернуться десятиногой каракатицей и подключить свой разум к десяти информканалам.

Давно известно, что дом и бьон, где человек обитает годами, есть отражение его характера. Но в большей степени это относится к личному сайту, так как при его устройстве мы не ограничены практически ничем – ни вселенскими законами, ни условностями, принятыми в обществе, ни нормами морали. Надо думать, по этой причине многие личные сайты закрыты или снабжаются особой зоной посещений. И это правильно; то подсознательное, что овеществляется в наших фантазиях, – вещь интимная, не предназначенная для чужого взгляда. Фантазии, тайные мысли и желания бесспорно часть человеческой души, но человек не равнозначен им – ведь есть еще сфера деяний и высказанных слов, пропущенных сквозь фильтр благоразумия.

Сам я не склонен фантазировать, ибо экспедиции в прошлое, моя медиана между реальностью и мниможизнью Зазеркалья, приносят массу сильных ощущений. Битвы, поединки, бегства и погони, раны и смерть, страх и ненависть, любовь и наслаждение – все это я испытал в телах своих носителей, а значит, не нуждаюсь в суррогатах. И тем не менее мой сайт закрыт в своей профессиональной части. Здесь я храню воспоминания о странствиях в горах, пустыне и у великой реки, о людях, которые дороги мне, и о своих поступках, естественных для той суровой эры, но непростительно жестоких, если смотреть глазами дилетанта. Не каждую деталь, не всякий штрих пережитого мною надо сохранить в тех записях, что будут со временем общедоступны, и только я решаю, чем поделиться с современниками. Только я, не Давид, не Гинах и не другие мои коллеги... Не слишком объективно? Да, согласен. Однако историческое знание субъективно по своей природе, так как преломляется сквозь восприятие очевидцев, затем – составителей летописей и их эпигонов. Я очевидец, летописец и комментатор в одном лице, но я описываю свою жизнь. Стоит ли упрекать меня за некоторую скрытность и пристрастность?

Не шевельнув ногой, я поплыл над полом мимо камина и кресел к той двери, что в реальном мире ведет в мою спальню. Она послушно распахнулась. Дань условности! Я мог попасть сюда, провалившись вниз, протаранив стену или потолок, пройдя сквозь Туманные Окна или щель рециклера.

Здесь жаркое солнце клонилось к закату, но небо, утесы и почва еще дышали зноем. Позади, на западе и юге, лежал Синай, Страна Син, Земля Луны и Бирюзы, как называли ее в благословенном Кемте – Синай, марш длиною в двести с лишним километров среди бесплодных скал и гор, что плавилась днем под лучами светила, а ночью пугали непривычным холодом. Впереди, на севере, в двух днях пути, раскинулось море Уадж-ур*, Великая Зелень, и там, на побережье, стояли великие города – Газа и Аскалон, Сидон и Тир, Библ и Арвад. Там была Страна Джахи – Палестина, а дальше – Страна Хару, Сирия. За горными хребтами, что громоздились на востоке, начиналась Страна Бехан, Аравийская пустыня, и прошедший ее попадал к двум рекам, не таким огромным, как священный Хапи, но тоже полноводным и большим. Реки казались странными – текли, в отличие от Нила, не к северу, а на юг, и по этой причине звались Перевернутой Водой. Восточнее них простиралась неизвестность, но не было сомнений, что мир огромен и чудесен.

Глубоко втянув сухой, пахнувший дымом и травами воздух, я улыбнулся и запечатал дверь, ведущую к моим воспоминаниям.

04

Жаркое солнце клонилось к закату, но небо и земля еще дышали зноем. Зной наплывал от утесов Синая, остроконечных и рваных, словно гигантские куски щебенки, раздробленной молотами богов и поставленной торчком. К северу от этого жаркого каменного лабиринта пейзаж был более приятным: здесь простиралась холмистая долина с рощами пальм и оливковых деревьев, текли неглубокие речки, виднелись хижины десятка деревень, нанизанных на узкую пыльную дорогу, а в самом конце ее – стены и башни Шарухена, последней гиксосской твердыни в этих краях. Вероятно, крестьян с чадами и домочадцами согнали в город – деревни были пусты, и лишь кое-где бродили забытые тощие козы, оглашая окрестность жалобным бляением. Но гулять им оставалось недолго – не успеет отгореть закат, как все они очутятся на вертелах и в котлах нашего воинства.

Египетская армия числом двенадцать с половиной тысяч воинов разворачивалась вдоль линии скал, по обе стороны от полотняного царского шатра. Слева – трехтысячные корпуса Амона* и Гора*, справа – более многочисленный корпус Сохмет, колесничие и наемники, светлокожие ливийцы и черные жители страны Куш. Лазутчики, посланные на север, уже обошли вокруг города, продвинулись на пару километров дальше и вернулись, осмотрев территорию. Остальное войско готовилось к ночлегу: тут и там солдаты втыкали копьа в землю, прислоняли к ним плетеные щиты, сгружали с повозок корзины с овощами и зерном и скудные вязанки хвороста. Те, что пошустрее – и, разумеется, мои ливийцы, – уже занялись козами, а заодно и безлюдными домами в ближайшей деревеньке. Повсюду раздавались грохот колес, тоскливое мычание тягловых быков, людские голоса, крики и ругань десятников, теп-меджет, как называли их у египтян. Однако лязга и звона почти не было слышно. Эта армия не могла похвастать обилием металла, ее бойцы обходились без шлемов, кольчуг и панцирей, а также без щитов, окованных железом. Дерево, камень, медные наконечники копий, бронзовые топоры и клинки, минимум одежды... Что до кушитов, те были почти нагими.

Яхмос, пер'о, Великий Дом, владыка Обеих Земель и основатель XVIII династии, расположился под полотняным навесом на легком кедровом стуле, окруженный воеводами, стражей, носителями кувшинов, опахал и табуретов. Слуги и телохранители стояли, военачальники устроились на шатких раскладных сиденьях, а всякая мелочь вроде писцов, скороходов и молодого Инхапи, лазутчика, – прямо на земле. Фараону было под пятьдесят, правил он лет пятнадцать и успел за это время избавиться Дельту от векового владычества гиксосов, разбив их на воде и суше. В ближайшее десятилетие, до того как упокоиться в своей гробнице, он сумеет взять Шарухен, повоевать с сирийскими князьями, усмирить кушитов у третьего нильского порога и перерезать глотки мятежным правителям номов, князьям из старой знати. Словом, грядущее у Яхмоса ожидалось не менее бурным и славным, чем истекшие годы. В тот день я считал, что, проследив его жизнь до самого конца, смогу послужить еще Аменхотепу, его наследнику и сыну. Отчего бы и нет? Тело Гибли едва приблизилось к сорокалетию, и мой психогенный носитель был крепок, как ливанский кедр.

Взгляд фараона скользнул по лицам Амени, Уахенеба и Тхути, генералов, командующих корпусами, и обратился к Унофре, Правителю Дома Войны:

– Говори!

– Глаз Ра не успеет закатиться, как мы разобьем лагерь, Великий Дом, – с важным видом доложил военный министр. – Мной посланы лазутчики и колесничие, чтобы осмотреть лачуги грязных шаси*. Но, кажется, из их селений все сбежали, страшась твоей ярости, сын Гора. Да живешь ты вечно и уничтожишь всех врагов! Пусть станут они пылью под твоими ногами! Пусть...

Щека фараона раздраженно дернулась, и Унофра смолк. В отличие от будущих преемников, этот владыка не любил пустых словословий, отличался практичностью и понимал, что враги страшатся не его ярости, а копий, секир и стрел египетских солдат. Прагматизм Яхмоса питала изрядная примесь гиксосской крови в его жилах – во всяком случае, так представлялось мне. Хоть гиксосы считались в Верхних Землях варварами, многие номархи и князья брали их женщин и признавали потомство законным. Кровь завоевателей не портила породы – разум у этих кочевников-азиатов был острый, и править они умели не хуже египтян.

Яхмос тут же это доказал, обратившись к Амени:

– Пошли со своими воинами писцов. Повелеваю собрать зерно, финики и масло, пригнать в лагерь скот и все переписать! Животы у солдат пусты, но есть они будут только из моей ладони. – Он вытянул крепкую длань. – И потому утаившим горсть зерна – десять палок, а утаившим козу или птицу – тридцать!

К этому я давно привык. С кем ни отправишься в поход, с шайкой своих соплеменников, с пиратами из Финикии или с войском фараона, порядок всюду одинаков: первым делом забирают скот, зерно и масло. Очередь золота и серебра, тканей и камней – вторая, ибо сыт с них не будешь.

– Великий Дом – жизнь, здоровье, сила!.. – повелел! – выкрикнул Унофра.

Амени низко склонил голову:

– Будет исполнено, сын Гора. Прикажешь вырубить плодовые деревья?

– Нет. Если Хиан покорится и выдаст заложников, я не трону его владение.

Хиан был последним из непокорных князей хека хасут, «повелителей пустыни», как называли гиксосов жители Та-Кем. Оставить его в этом состоянии было бы крайне опасно: Шарухен – богатый город, земли вокруг плодородны и к тому же изобилуют разбойными людьми, аму, хабиру и хериуша*, не говоря уж о сирийцах и их заносчивых владыках. Так что через пару лет, собравшись с силами, Хиан мог ворваться в Дельту с двадцатитысячным войском. Уже сейчас у него были союзники и в Сирии, и в Палестине, и даже в прибрежных финикийских городах.

Яхмос щелкнул пальцами, и слуга поднес ему чашу с вином. По краю майоликового сосуда змеился голубой узор, напиток отливал алым в лучах заходящего солнца. Темные глаза фараона затуманились; взгляд его, скользнув по рощам, лугам и рекам этой земли, мрачно уперся в стены и башни Шарухена. Мозг ливийского вождя, который предоставил мне приют, не обладал ментальной силой, но было нетрудно угадать, о чем размышляет владыка Та-Кем. Слишком прочны ворота и стены, высоки башни, и ни один полководец в мире еще не знает, как штурмовать такие крепости... Их все-таки берут, но лишь измором, и, если правдивы древние папирусы, под этими стенами войско застрянет на годы.

Хотя писцы могли преувеличить, думал я, разглядывая город и земли Хиана. Преувеличить славу Яхмоса и превратить три месяца осады в год, или в три, или в десять лет, как в будущем случится с Троей. Масса древних документов, стел, папирусов и фресок, найденных в Эпоху Взлета, затем погибла в период Большой Ошибки, так что о надежных перекрестных ссылках не приходилось и мечтать. Конечно, велись полевые исследования этой эпохи, но внимание моих коллег притягивали более яркие личности, чем Яхмос, – царица Хатшепсут, Тутмос Завоеватель, Эхнатон, Рамсес Великий. Яхмосом тоже занимались, но без подробностей и точных датировок каждого события и факта; для египтологов он являлся всего лишь промежуточным звеном между Средним и Новым царствами.

Досадное пренебрежение! Хоть я не египтолог, Яхмос был мне интересен, поскольку в его времена, за полтора тысячелетия до новой эры, контакты египтян с темеху и техени, людьми из Западной пустыни, стали постоянными и длительными. Их отряды вливаются в армию фараона и режут гиксосов и непокорных номархов; знать нанимает их в телохранители и стражи; распорядитель царских охот оплачивает ливийских проводников и загон-

щиков; кое у кого из ливийских вождей вдруг появляются усадьбы на нильских берегах, а красота ливийских женщин чарует знатных египтян. Верно и обратное – ведь я, ливийский предводитель, был очарован Небем-васт... Словом, контакты разнообразны, достойны изучения, и потому я здесь, при фараоне Яхмосе. Сижу, кстати, не на земле, на раскладном сиденье, хоть и последним в ряду воевод. А молодой Инхапи жметесь на камнях.

– Утром, – сказал фараон, отхлебнув из чаши, – утром Амени двинется к востоку, а Тхути – к западу. Уахенб с воинством Сохмет приступит к городским стенам, а ты, Унофра, будешь начальствовать над колесничими. Я желаю... – Он на мгновение смолк, оглядывая равнину, затем повторил: – Я желаю, чтобы колесницы встали за холмами – так, чтобы их могли пересчитать со стен и башен. Ты понял, Унофра?

– Да, Великий Дом.

Акт устрашения: обойти противника, взять город в клещи, продемонстрировать свою решительность и силу. Пятьсот колесниц – страшное зрелище для осажденных, гарантия, что вылазок не будет. Для нынешних времен Яхмос был вполне приличным полководцем и не пренебрегал советами. Главным образом, моими.

Владыка Обеих Земель допил вино, затем кивнул Унофре:

– Что донесли лазутчики?

Молодой Инхапи, ходивший со своими людьми к Шарухену и дальше, на север, мягко повалился на живот, выворачивая шею и поедая фараона взглядом. Но слова ему не дали – не тот чин, чтобы говорить перед лицом владыки.

– Хиан – да будет на нем проклятье Амона!.. – заперся с войском в городе. Низкие шаши из деревень бегут к побережью и в Страну Джахи, что лежит за горами, – отрапортовал Правитель Дома Войны. – Там есть проход, мой господин. Ущелье, а в нем река, которая течет к востоку, к большой воде. Соленой, как Уадж-ур.

Мертвое море, отметил я. В северной оконечности, около устья Иордана – два поселка. Когда-нибудь их назовут городами – Иерусалим, Иерихон... Но сейчас это всего лишь стойбища козопасов.

Яхмос повернул ко мне суровое лицо:

– Гибли! Что ты думаешь об этом, Гибли?

Меня он всегда спрашивал последним. Верный знак того, что военный совет заканчивается.

– Тысячу раз простираюсь ниц, целую прах под твоими ногами, – пробормотал я дежурную фразу. – В это ущелье надо послать воинов, Великий Дом. Если князья из Джахи или Хару захотят сюда прийти, будет кому их встретить. А лучше поискать их отряды за ущельем и напасть первыми.

Фараон с благосклонным видом повел рукой:

– Верно. Найти отряд из Хару, взять несколько голов и перебросить через стену... пусть Хиан убедится, что помощь не придет... Ты, Гибли, принесешь мне эти головы! Ты и чезу Хем-ахт! Хватит для этого тысячи воинов?

– Да, сын Гора. Тысячи воинов хватит.

– Великий Дом повелел! – снова выкрикнул Унофра.

Яхмос поднялся, поправил полосатый клафт, спускавшийся на плечи, и шагнул к завесе, скрывавшей внутренность шатра. За ним шли двое с опахалами, слуга с винным кувшином и рослые телохранители-кушиты.

– Идите и помните: наши враги шаши и хека хасут – трава под копытом быка, – произнес Правитель Дома Войны, направляясь следом за владыкой. – Но помните и другое: малый недосмотр губит совершенство.

Унофра был не только военным министром, но и верховным жрецом храма Амона в Уасете*. Жрецы во все времена любили поговорить.

Солнце повисло над самым горизонтом, пыль улеглась, и в прозрачном воздухе протянулись вверх тонкие дрожащие пальцы дыма от сотен костров. Воины отдыхали – почти все, за исключением провинившихся. Этим, как обычно, достались рытье отхожих ям на дальней границе лагеря, ночные караулы, сбор хвороста и чистка котлов. Я шел к ливийскому стану, петляя среди полуголых солдат, сидевших у огня, повозок с быками, колесниц и лошадей, около которых сутились возничие. Здесь, на равнине у Шарухена, места хватало, да и людей с животными было не так уж много, но все же лагерь производил впечатление скученности и тесноты. Не помню, чтобы мне довелось испытывать такое чувство в своей эпохе, хотя я бывал на стадионах и в парках, где собирались сотни тысяч. Однако, при всей своей многочисленности они не выглядели толпой – или, вернее, каждый оставался личностью, бессмертной и неповторимой. Но в мире, что окружал меня сейчас, даже боги не были бессмертны, людей же считали пылью и прахом под стопой владык. Смириться с этим, преодолеть себя, забыть врожденное достоинство и гордость, было нелегко, и потому из любопытных неопитов, спускавшихся во тьму минувших лет, лишь единицы повторяли странствие. Считалось, что принадлежность к Койну Реконструкции Прошлого весьма почетна, но многолюдством мы похвастать не могли.

За обозом колесничих – телегами, груженными сеном и ячменем, – меня догнал Инхапи, двадцатилетний воин, старший над пятью лазутчиками. Если я не ошибался, и он был тем Инхапи. В ближайшую половину столетия ему предстояло служить четырем фараонам, достигнуть генеральского чина и должности Хранителя Южных Врат и, в завершение карьеры, возвести на трон правнучку Яхмоса, женщину-царицу Хатшепсут. Георгий, мой коллега, который занимался начальным периодом Нового царства, еще не установил идентичность этого Инхапи и того, который в семьдесят лет будет командовать корпусом Сохмет и короновать царей.

– Унофра – да будет Монт* благосклонен к нему! – повелел мне, господин, сопровождать твоих людей. К ущелью, – произнес Инхапи, склонив голову.

– Хорошо. Желаете провести ночь в моем лагере?

– Если позволишь, Ветер Смерти.

Так меня звали – Гибли, Ветер Смерти. У народа, к которому принадлежал мой психогенный носитель, были названия для всех и всяческих ветров: рагис – дующий с гор, шаркийя – дующий с моря, псуш – дующий из сухой саванны. Ветер гибли был самым страшным – смерч, несущий песок пустыни, способный засыпать поля, каналы и дома, убить людей и все живое. Поистине Ветер Смерти! Имя это носили самые великие из ливийских вождей.

Спустилась ночь, когда мы достигли ливийского стана. Небо казалось мне мертвым – ни движущихся огней, ни сияющих шлейфов с заатмосферными городами, только ледяное мерцание звезд. Одна из них, кроваво-красная, повисла прямо над башнями Шарухена.

Мои воины дремали, завернувшись в плащи из козьих шкур, но рыжий Иуалат и Усуркун, начальники отрядов, ждали у гаснущего костра. Масахарта, сын Усуркуна, поворачивал над алыми углями вертел с тушей ягненка. В отсветах пламени руки и лицо его казались розовыми – светлокоткие ливийцы в отличие от прочих племен и народов почти не загорали. То была их странная генетическая особенность, такая же древняя, как раса, от которой они произошли.

Я сел, вытащил нож, отрезал кусок себе, потом Иуалату, Усуркуну и Инхапи. Мы ели с жадностью. Жир, падавший на угли, взрывался крохотными фонтанами огня.

Масахарта притащил из темноты кувшин с пивом величиной с ведро и занялся остатками ягненка. Сделав большой глоток, я передал сосуд Иуалату и сказал:

– Завтра покинем удел Хиана. Пойдем дальше гор, искать тех шаши, что спешат на помощь хека хасут.

– Одни? – спросил Усуркун, принимая пиво от Иуалата.

– С чезетом Хем-ахта.

– Да пожрут его теен и кажжа! – произнес Иуалат. – Корм гиены! Этот Хем-ахт много взять не даст.

– Шкуру с козы можно снимать по-разному, – молвил Усуркун и, поколебавшись, все же протянул сосуд с пивом Инхапи. Потом добавил: – Много ли возьмешь с убитых воинов? Не упустить бы город! – Его глаза хищно сверкнули, когда он повернулся к Шарухену.

Инхапи промолчал, ибо был слишком молод, чтобы вмешиваться в разговор ветеранов, грабивших гиксосов, кушитов и египтян, когда его еще на свете не было. Некоторое время мы пили пиво и болтали, взвешивая надежды на добычу – где она будет обильней, в долинах Джахи или за стенами Шарухена. Наконец Иуалат мудро заметил, что за стены нужно еще попасть, не потеряв при этом голову, а перерезать шаши в поле неизмеримо легче. Пиво тем временем кончилось, Масахарта обглодал ягненка до последней косточки, и мои соратники легли наземь у погасшего костра.

Все, кроме Инхапи – он сидел, уставившись в угли, играя коротким бронзовым мечом. То ли ему было неуютно среди нас, то ли что-то мучило его, а спросить лазутчик не решался. Пребывая в теле, лишенном ментального дара, я, однако, не потерял способностей к эмпатии и чувствовал сейчас Инхапи как напряженный лук с растянутой тетивой.

Он пробормотал:

– Позволишь ли говорить, мой господин?

– Да.

– Видит Маат*, что слова мои истинны: я – потомственный воин. Ини, мой почтенный отец, был из Стражей Западной пустыни. Я вырос между пальмой и песком и в детстве метал не камни, а дротики. Моя мать... – рука его коснулась губ знаком скорби, – Мерит, моя мать, ушла в поля Осириса, когда я увидел третий разлив Хапи. У нас была служанка из твоего народа, господин, старая женщина-мешвеш*. Она вырастила меня.

Я прищурился:

– Намекаешь, что сердце твое крепко, как у жителя песков?

Инхапи сделал жест отрицания:

– Сердце мое крепко – пусть я останусь без погребения, если лгу! – но сказать я хочу о другом. Когда я был мал, Шешала, та женщина из людей пустыни, учила меня своим словам. Кое-что я помню... Теен и кажжа – это ведь Демоны Песков? Кажжа – демон сухого песка, теен – зыбучего, а еще есть чиес, демон пещер и трещин в скалах... Так?

– Так. Это все, что ты хотел мне сказать?

– Нет. Я... – Он смутился. – Я понимаю смысл твоего имени, господин. Шешала говорила, что так называют великих вождей и чародеев и что в пустыне Запада они были всегда. Во все времена, даже во время Снофру и Хуфу, строителей пирамид. Они, эти вожди, передают друг другу свое ка, дух Гибли... – Сделав наузу, Инхапи спросил: – Так ли это?

Я молчал. Того умирающего юношу, в которого я вселился семнадцать лет назад, звали Аупутом, но, исцелив телесные раны своего носителя, я назвался Гибли. Я всегда Гибли, во всех эпизодах своей мниможизни в прошлом – такова дань традиции. Я выбрал это имя на заре времен, когда ливийцы еще не пришли в пустыню, да и самой пустыни еще не было, и с той поры ношу его в каждом из десятков моих воплощений. Постоянство имени – важный знак; с одной стороны, оно позволяет отделить Андрея Ливийца от ливийца Гибли, с другой – перебросить мосты между всеми Гибли, которыми я был и буду. Об этих моих ипостасях ходят легенды среди людей пустыни, но я не знал, что их уже повторяют в Обеих Землях.

– Так ли это? – снова прошептал Инхапи, глядя на меня со смесью ужаса и восторга. – Верно ли, что твое ка вновь и вновь приходит с полей Иалу*, даруя избранным тобой мудрость, мощь и силу?

– Почему ты так решил, Инхапи?

– Потому что сам Великий Дом, сын Гора, слушает твои советы. Потому что ты один из всех людей пустыни смог подняться высоко в Та-Кем. Потому, что ты читаешь знаки папирусов, как Тот*, писец богов, и бьешься с врагами, как Львиноголовая Сохмет. Потому что я видел, как ты сражался под Аварисом. Он был не прав, под Аварисом мне крупно не повезло. Там погибла Небем-васт, когда сорок гиксосских колесниц обошли моих ливийцев с фланга, растоптали египетских лучников и, ворвавшись в наш лагерь, устроили кровавое побоище среди поваров, погонщиков, танцовщиц, арфисток и певиц.

Помрачнев, я бросил взгляд на юное лицо Инхапи и молвил:

– Ты ждешь ответа, сын Ини? Его не будет. Мой дух, мое ка подсказывает мне, что истина не для твоих ушей. Даже жрецы не ведают путей Осириса и способов, какими он перемещает души меж миром мертвых и живых. Это тайна, тайна для всех живущих в твоём мире и в будущих мирах, которые придут ему на смену. Разве не страшно прикоснуться к ней?

– Страшно, – с содроганием подтвердил он. – Но ты уже ответил, господин. Я... – Голос его замер в нерешительности.

– Чего же еще ты хочешь?

– Стать послушным твоему зову. Есть из твоих рук, как ел я в этот вечер. Носить за тобой что прикажешь – меч, опахало, табурет. Быть спутником твоим, учиться у тебя и унаследовать песчинку твоего могущества.

Я выдавил улыбку и хлопнул его по плечу:

– Унаследуешь, клянусь Демонами Песков! Непременно унаследуешь, если ты т о т Инхапи!

Он лег на землю, повозился, устраиваясь поудобнее, и заснул.

Вот юноша, жаждущий силы и власти, подумалось мне. Неглупый юноша и очень смелый, если, преодолев страх потустороннего, он говорил со мною так, как говорил. Но даже самым умным, самым смелым в этих временах не оценить масштабов своего несчастья. Осознание придет позже, в Эпоху Взлета, с началом зрелости, когда поймут, что даже великая жизнь, жизнь гения, творца, пророка, трагически коротка и заканчивается дряхлостью, старческой немощью и неизбежной смертью. А пока... Пока людей поддерживает вера – в поля Иалу, в Элизиум, в рай, где праведным будет даровано вечное счастье. Стоит ли разрушать эти иллюзии?

Мы выступили рано утром и к полудню уже миновали Шарухен. Городская стена восьмиметровой высоты была сложена из необработанных бурых камней и охватывала территорию с четверть квадратного километра. На стене торчали мрачные горбоносые воины в кожаных шлемах, кто с луком, кто с копьем, провожавшие нашу колонну руганью и непристойными жестами. Было их не так уж много, да и сам Шарухен, в понятиях более цивилизованной эпохи, являл собою не город, а городишко с десятком тысяч жителей, если не считать предместий. Но за полтора тысячелетия до новой эры он мог соперничать с любым из крупных финикийских поселений, с Тиром, Библом или Сидоном, площадь которых была почти такой же. Конечно, эти портовые города были богаче и многолюднее, зато Шарухен лежал в уникальном месте, между пустынным гористым Синаем и плодородной Палестиной. Важный стратегический пункт, который не обойдешь, не объедешь; для Египта – ключ к Палестине и Азии, для Азии – ключ к Египту.

Наше воинство двигалось двумя отрядами по пыльной дороге, мимо пальм, олив, смоковниц и разоренных деревушек: впереди – четыреста моих ливийцев, за ними – чезет Хем-ахта, шесть сотен копейщиков и стрелков. Чезет был полком в египетской армии, и, значит, чезу Хем-ахта удостоили полковничьего чина, хотя он к старой знати не принадлежал и вообще не отличался благородством: отец – сборщик податей в трех селениях Заячьего нома, братья – храмовые писцы. Такие, как Хем-ахт, выслужившиеся из мелких чиновников, зва-

лись немху – сословие, до гроба преданное фараону. Преданность их подкреплялась делами: тот же Хем-ахт был осторожен, в меру храбр и беспредельно честен – всю добычу тащил в фараонову казну. За это его не любили, особенно наемники.

Осматривая городские стены, я размышлял о том, как расколоть их таранами, разбить из мощных катапульт, придвинуть осадные башни и лестницы. При изобилии дерева нетрудно построить такие орудия и взять Шарухен за неделю, но это было бы слишком серьезным вмешательством в местные распри. Хватит уже подсказанного воеводам Яхмоса, того, о чем они догадались бы сами или переняли у хека хасут: тактики фланговых обходов, концентрации резерва и упреждающих ударов. В последнем деле ливийцы были большие мастера: ведь всякий упреждающий удар – повод пограбить.

Они считались копьеносцами – пустая формальность, связанная со снаряжением, полученным из арсеналов в Уасете и давно потерянным либо сломанным и брошенным за ненадобностью. Копий и луков мои бойцы не любили, пользовались дротиками, пращами, а также трофейным оружием – широкими гиксосскими кинжалами и мечами сириян, подобными огромному серпу, откованному из железа. Такой клинок висел у меня за спиной, поверх плаща из шкуры леопарда, положенной вождю. Шагавший рядом Инхапи поглядывал на него с вожделием; видно, в самом деле хотел бы что-нибудь потаскать за мной, однако ни табуретов, ни опahal у меня не водилось. Сомневаюсь, что мой клинок был ему по силам: ливийцы – люди рослые, крепкие, выше и шире в плечах, чем египтяне. Устрашающая орда, если поглядеть со стороны: в козжих и овечьих шкурах, с огромными мечами и связками дротиков, с перьями страуса в светлых и рыжих, заплетенных в косы волосах.

Солдаты Хем-ахта были экипированы скромнее. В полотняных чепцах, передниках и нагрудниках в серую и желтую полосу они походили на больших пчел, несущих отдельно свои жала: короткие, подобные кинжалам мечи, тонкие копья, луки со спущенной тетивой и полные стрел колчаны. Оружие легковесное, но боевой дух, питаемый давней злобой к гиксосам, был крепок: ливийцы молча миновали Шарухен, а египтяне перебранивались с защитниками, грозили растопыренными пятернями, напоминая, что кисти врагов будут отрублены и брошены наземь к ногам фараона. «Порази вас Сохмет, песчаные вши!» – кричали одни; «Чтобы Анубис* тебе кишки вывернул! Чтоб на тебя Исида* помочилась!» – вторили другие. Это было явное богохульство; взревели теп-меджеты, послышались хлесткие удары палок, и шум смолк.

Солнце пекло, но свежий ветер с побережья умерял жару. Мы вступили в деревушку километрах в трех от Шарухена – безлюдную, но еще не разграбленную. На ее окраине струился по камням ручеек, плетенные из веток загоны и хижины были пусты, во дворах валялся жалкий скарб, брошенный в спешке: ручные жернова, корзины и горшки, глиняные блюда и рваные сандалии, обрывки веревок и кожаных ремней. Рыжий Иуалат, который вел первую сотню воинов, облизнулся.

– Пошарить бы надо, вождь... Гачир* не тронут. Вдруг Семеро* пошлют удачу!

– В этой земле Семеро не властны, – напомнил я, но Иуалат, старый грабитель, упрямо буркнул:

– Все равно пошарить надо.

Шарили бы тщательно и долго, до самой темноты, но за нами топал чезет Хем-ахта, посланный мудрым фараоном, чтобы приглядывать за наемниками. Поэтому я отправил Масахарту и Псушени с тремя десятками парней из четвертой сотни, распорядившись, чтобы брали скот и финики – рассчитывать на что-то более ценное тут не приходилось.

За ручьем, у трех больших смоковниц, дорога раздваивалась, и я велел остановиться. Люди Хем-ахта жадно приникли к воде, мои не пили, помня о древнем законе преследователей и беглецов: в походе пьют утром и вечером. Я зачерпнул ладонью влагу, вытер лицо, капли попали на язык. Воды этой земли были чистыми и сладкими, совсем не похожими на

мутноватую жижу из песчаных колодцев и воду Хапи, иногда бурую, иногда красноватую, но в любой сезон негодную для питья. Египтянам этот ручей, должно быть, казался чудом... В Та-Кем хорошую воду брали из водоносных подпочвенных слоев.

Хем-ахт, в сопровождении знаменосца и десятника с палкой, приблизился ко мне и Иуалату. Он был еще не стар, но его лицо и бритая голова, обтянутые пергаментной кожей, походили на череп. С шеи Хем-ахта свисал уджат, амулет в виде глаза из бирюзы и серебра. Прижав его ладонью к груди, чезу молвил:

– Храни нас Исида... Куда теперь, вождь?

– Мудрый Унофра дал нам проводника. – Я вытолкнул вперед Инхапи.

– Этот путь, доблестные, – лазутчик показал налево. – Пройдем половину сехена*, и будет деревня из двадцати домов, за ней другая, с храмом, а дальше – горы и ущелье.

– С храмом? – насторожился Иуалат. – Каменным?

Инхапи сделал жест отрицания:

– Нет. Он совсем не похож на святилище Амона в Уасете или на храм Маат в Саи* – просто большая хижина, а в ней глиняный бог. Ни золота, ни серебра, ни меди.

– А приношения? Есть там приношения? Масло, пиво, мед, вино?

– Ничего нет, мой господин. Пусто.

– Чтобы шакалы сожрали мумии твоих предков! – выругался Иуалат. – Ты дважды ходил по этой дороге, сын осла, и ты не нашел ничего ценного?

– Я – лазутчик пер'о, – с достоинством произнес Инхапи. – Я ищу дорогу для войска, а не добычу на ее обочине.

Сплюнув, Иуалат дернул себя за рыжую косу. Хем-ахт, не обращая на него внимания, повернулся ко мне:

– Кое-что вы все-таки нашли. Довольствуйтесь этим, ибо все по-настоящему ценное принадлежит Великому Дому.

Я проследил за его взглядом. Масахарта и Псушени возвращались – с ослом и полуджиной тощих коз. На осла были навьючены бурдюки и корзина с сушеными смоквами.

– Выступаем, – сказал я и кивнул Хем-ахту: – Быстрее, досточтимый чезу, пока твои воины не выпили ручей. Мало воды – плохо, много воды – тоже плохо... Боюсь, они за нами не поспеют.

Так и вышло. Когда мы добрались до деревни с двадцатью домами, чезет египтян плелся в километре сзади нас. Еще через пару часов, когда мы миновали селение побольше, с храмом и полусотней дворов, на дороге не было заметно даже пыли. Усуркун, который вел четвертую сотню, наш арьергард, пробрался в первые ряды, и они с Иуалатом заспорили: рыжий считал, что надо остановиться, обшарить деревню и заодно подождать Хем-ахта, а Усуркун не видел в этом смысла. Люди разбежались, талдычил он, и Семеро видят, что взять в этом гачире нечего, кроме драных коз. Пройдем ущельем в долины Джахи, где нас не ждут, а там уж найдется добыча – и козы пожирнее, и вино, и женщины. Может, и серебро – а если так, то лучше его прикарманить, пока Хем-ахт – чтоб печень его высохла в песках! – не наложил загребушую лапу.

Прекратив их ссору, я велел двигаться вперед. Инхапи вел нас прямо к горам, невысоким и покрытым редким лесом. Они отличались от мрачных гор Синая, выглядели более приветливыми и округлыми; у их подножий зеленели травами пологие склоны, выше торчали гребенкой сосны и раскидистые тамариски, а над ними поднимались светло-серые скалы, блестящие прожилками кварца и слюды. Отличное пастбище, подумал я, такого не встретишь ни в сухой саванне, ни в оазисах. Вид и правда был буколический, даже библейский, не хватало только стада овец с пастухом.

Хижины, пальмы и оливы остались позади, и теперь с обеих сторон тракта лежала пустошь, заросшая травой и кустарником. Трава была объедена до корней, а в мягкой почве

тут и там отпечатались копыта, следы босых ног и сандалий всех размеров – верный признак, что день или два назад жители благоразумно убрались с пути отрядов фараона. Скорее всего, ушли на северо-восток, за Мертвое море или в долины Иордана. Пожалуй, во всем египетском войске я один имел представление об этой местности, лежавшей за горами. Военные экспедиции Та-Кем бывали здесь не раз, но в давние, почти легендарные времена, в эпохи Древнего и Среднего царств. Где-то в тайных святилищах и усыпальницах хранились папирусы с описанием этих земель, но как найти их после гиксосского завоевания и столетней смуты? Найдут, конечно, но еще до этого опять разведывают дороги, расспросят купцов, сирийских, финикийских и ахейских, и через семь десятилетий Тутмос Завоеватель обрушится на Азию. Может быть, и в его армии будет Гибли, вождь ливийских наемников... Поживем – увидим.

Мы подошли к ущелью, довольно широкому, с обрывистой восточной стенкой, которую подмывала мелководная, но бурная река. Был пятый час пополудни; мои воины, привычные к жаре и долгим переходам, двигались бодро, не выказывая признаков усталости. Одни жевали на ходу финики, смоквы и вареное просо, другие болтали на шипящем языке жителей пустыни, третьи, раскрыв рты, глядели по сторонам – уж больно эти земли отличались от африканских степей, долины Хапи и хмурого безжизненного Синая. Какие только люди не жили здесь и какие будут еще жить! Ханаанеи, хурриты, амореи, филистимляне, иудеи, арамеи, греки, римляне, арабы...

Подозвав Осохора из племени уит-мехе*, я послал его разведать путь. Осохор, оставив мешок с припасами и меч, обогнал с тремя своими людьми нашу колонну, забрался на западный склон ущелья и вскоре исчез из вида. Уит-мехе, жители нагорий, были непревзойденными скалолазами и меткими пращниками.

Мы шли вдоль бурлящей реки, по каменистой почве. Ширина ущелья, если не считать потока, была метров восемьдесят – как раз столько, чтобы развернуться сотне бойцов. Развернуться, бросить камни и дротики, ударить – этим почти исчерпывались тактические ухищрения нынешних времен.

– За ущельем река поворачивает к восходу, к большой соленой воде, – задумчиво произнес Инхапи. – Мы туда не дошли, но поймали нескольких хабиру. Они клялись, что такие воды есть воистину и что они соленые, как в море. Может, лгали, дети гиен? Ведь Уадж-ур на закате, а не на восходе.

– Не лгали. На восходе есть... – начал я и запнулся: понятия «озеро» не было ни в ливийском, ни в египетском языках. – Есть водоем, очень большой, с солеными водами.

Инхапи словно не удивился, что я это знаю, – кажется, был уверен в моих магических талантах.

Колонна воинов втянулась в ущелье. Строй они не соблюдали и видом своим были похожи на разбойничью шайку – ни панцирей, ни шлемов, ни щитов, окованных металлом. Все это, а также короткий тяжелый меч, длинное копье, строй гоплитов и фаланга, появится в Элладе лет за семьсот до Рождества Христова и приведет к новому виду столкновений – кровавому и беспощадному ближнему бою. Сейчас, в более патриархальные времена, врагов старались поразить таким же способом, как и опасного зверя – издали, стрелой, дротиком и камнем из пращи. Еще старались напугать криками и угрозами, своей решимостью и числом.

В эту эпоху так воевали все, кроме ливийцев. Ливийцы не боялись схватки грудь о грудь, предпочитая стрелам мечи и секиры. Не выучка была тому причиной, даже не жажда завладеть добычей и не презрение к смерти, а лишь природная свирепость.

Слева, на гребне стены, возникла фигурка нашего разведчика. Он махнул дротиком, затем сделал вид, что пронзает им врага, и начал спускаться на дно ущелья.

– Похоже, наткнулись на шаши, – молвил Иуалат, оскалив зубы в волчьей ухмылке.

Человек Осохора – я не помнил его имени – скатился по склону:

- Люди, вождь. Вооруженные. Вступили в ущелье.
- Сколько их? – спросил я, взмахом руки подзывая к себе старших над сотнями.
- Осохор считает.
- Далеко?
- Пятая часть сехена. Пешие, без колесниц. Два отряда, а в середине – повозки с быками.

Египетский сехен составлял примерно одиннадцать километров – значит, враг доберется до нас минут через двадцать – двадцать пять. То, что мы встретили врагов, не подлежало сомнению, но кто они и сколько их?

На фоне неба возникли силуэты Осохора и двух его уит-мехе. Спускаясь, они прыгали по камням словно небольшое стадо горных антилоп. Воины за моей спиной уже готовили мечи и секиры, распускали ремни на связках дротиков, привязывали к запястьям пращи. В сумках пращников глухо шелестели глиняные снаряды, кто-то поспешно – жик-жик! – подтачивал топор.

– Сотен семь впереди, – доложил Осохор, – потом повозки и еще четыре-пять сотен воинов. В повозках люди в красных плащах. Богатые, мой вождь! Шапки золотые, плащи красные, как солнце на закате, и тоже шиты золотом. Еще ожерелья из бирюзы.

Сирийцы, мелькнуло у меня в голове. Сирийские князья любили пышно одеваться – в пурпурные финикийские ткани, в тиары, украшенные самоцветами и золотом. Войско, с которым нам предстояло столкнуться, могло быть первой из дружин, отправленных на помощь Шарухену. Видно, в Сирии еще не знали, что Яхмос уже стоит под городскими стенами.

- Золото... – пробормотал Усуркун.
- Бирюза... – эхом откликнулся Иуалат.
- Плащи, – добавил Тахи, старший над третьей сотней.

Эти трое, как, впрочем, и все остальные за моей спиной, не думали о численном превосходстве врага, о вероятности смерти или тяжелой раны; ими руководил разбойничий инстинкт: всех перерезать и отобрать богатства. Эта идея фикс не вызывала у меня ни неприязни, ни, разумеется, сочувствия. Они были тем, чем были, а я – одним из них и, кроме того, наблюдателем и собирателем фактов. Нам, психоисторикам, известно, что прошлое, цепь событий и нравы людей, не изменить и что попытка подойти к истории в терминах вины и правоты, жертв и злодеев нелепа. Это лишь эмоциональные оценки, связанные с определенной эпохой, не существующие вне ее контекста, и если смотреть с удаления, понимаешь, что злодей мог превратиться в жертву и наоборот. Мы изучаем историю так же, как изучают Вселенную Носфераты – *sine ira et studio*, без гнева и пристрастия.

Я огляделся. Позиция была отличной – шагах в семидесяти к северу ущелье изгибалось, и, значит, противник наткнется на нас внезапно. Миг ошеломления нужно использовать, как и крутые скалистые стены, и россыпь камней за рекой.

– Пращников – на скалы! – приказал я. – Осохор, возьми своих уит-мехе. Иуалат, готовь дротики. Ты поведешь первую сотню, я – вторую. Усуркун, отправь Масахарту и пятьдесят человек за реку. Пусть спрячутся вон в тех в камнях и ударят шаши во фланг. С остальными и сотней Тахи будешь в резерве. Нападешь, когда я дам сигнал мечом.

Протяжные выкрики сотников – и воины зашевелились. Гибкие быстроногие уит-мехе побежали к скалам – кто полез на западный пологий склон, другие, разбрызгивая воду, пересекли поток и начали взбираться по более крутой восточной стенке. Вслед за ними двинулась полусотня Масахарты, тоже одолела реку и растворилась среди каменных глыб, заросших кустарником. Люди Иуалата втыкали в землю секиры и мечи, пристраивали поудобнее дротики, за спиной или на левом плече. Эти были из племен темеху – мускулистые рослые мешвеш, рисса* и зару*, охотники на антилоп и скотоводы. Воинов техени в моем отряде

было немного – этот племенной союз располагался на западных территориях, в районе от Идехан-Музрука до Атласских гор и залива Габес, где через семь веков воздвигнут Карфаген. Еще западнее, дальше Тассили, у озера Себха-Мекерган, на плато Адрар и атлантическом побережье, жили десятки племен, неизвестных в Египте и называвших себя ошу*, что на ливийском значит просто «люди». Внешность, язык, обычаи и верования были у всех одинаковыми, но единым народом они себя не считали. Такого понятия в их мире не было; «своими» считались родичи или близкие соседи, подчинявшиеся одному и тому же племенному вождю. В районах, населенных ошу, я побывал двенадцать раз, и, вероятно, за всю человеческую историю никто не знал их лучше меня.

Люди Иуалата перегородили ущелье неровной цепочкой, за ними, шагах в семи-восьми, стояла вторая сотня. Как обычно, в таком построении Иуалат был на левом фланге, я – на правом, у самой воды. Поток журчал и плескался около сандалий, овевая разгоряченное тело прохладой. Сзади и наискосок от меня собрались в плотную толпу бойцы третьей и четвертой сотни. С севера уже доносился мерный топот ног, гортанные выкрики и скрип колес повозок.

Я вытащил свой железный серп и поглядел на замершего рядом Инхапи. Его клинок длиной в локоть был неважным оружием для предстоящей схватки. Слишком легкий и короткий меч, которым сражаются в строю, прикрытые слева и справа щитами и броней соратников. Случай, однако, был не тот – ни щитов, ни брони, ни дисциплины легиона, который бил словно единая рука. В эту эпоху, стоило боевым порядкам сойтись, как строй ломался, противники перемешивались и битва распадалась на ряд отдельных поединков.

Наклонившись к лазутчику, я прошептал:

– Держись около меня, парень. Не отставай ни на шаг, но в свалку не лезь.

Он кивнул, произвольно сглотнув. Наш страх – сила наших врагов, говорят воинственные мешвеш, но на его лице не было страха, только напряжение и готовность к бою. Тот ли он Инхапи? – снова подумал я. Если тот, мне не о чем беспокоиться: он выйдет из битвы невредимым и доживет до старости. История нерушима.

Пращники уит-мехе словно прилепились к скалам – кое-кто еще искал опору для ног, другие уже раскручивали над головами ремни из прочных бычьих шкур. Некоторые из меченосцев последовали их примеру – с тихим шелестом рубили воздух, разминая мышцы, вгоняя себя в ярость. Моим соплеменникам требовалось очень немного, чтоб ощутить прилив адреналина.

Первые сирийские шеренги показались из-за поворота. Воины шли вразброд, занимая всю ширину ущелья; покачивались копья и топоры, поблескивали кое-где медные шлемы, плыл паланкин из светлой ткани над облаченным в пурпур человеком, князем или военачальником. Смуглые бородатые лица, темные глаза, резкие черты – тут были те, кого лет через пятьсот-семьсот назовут амореями, хурритами, иудеями, арабами. Для египтян все они являлись шаши, азиатами, и лишь немногие народы уже получили имя: аму – семиты, хериуша и хабиру – кочевые арабские и иудейские племена.

Увидев нас, сирийцы завопили. Передние пытались замедлить шаг, вытащить клинки, наклонить копья, но масса, давившая сзади, подпирала их, выжимая в ущелье и в речные воды. Кто-то упал, поскользнувшись на мокрых камнях, кто-то выдернул меч, едва не лишив соседа уха, кто-то кричал, призывая на помощь богов, но эти крики тут же сменились шелестом падавших сверху снарядов, хищным посвистом дротиков и предсмертными стонами. Глиняное ядро, пробив ткань паланкина, цокнуло по шлему воеводы, и тут же в его живот и грудь вонзились дротики. Они летели тучей – бронзовые острия на пальмовых древках, направленные сотней рук. Из долгого опыта я знал, что причиненные ими раны большей частью не смертельны, но человек, истекающий кровью, уже не боец. Травинка под копытом быка, если вспомнить слова Унофры.

Обстрел прекратился, я вскинул клинок и выкрикнул:

– Вперед, во имя Семерых!

Вообще-то полагалось идти в атаку с именем фараона либо божеств войны Монта и Сохмет, но Семеро Великих из пустыни, демонов бурь, песков и ветра, все-таки нам ближе. Хем-ахт находился далеко и, значит, не мог зафиксировать нарушение устава. Я был готов поставить гнилой финик против серебряного кольца, что к этой битве он не успеет.

Мои бойцы с бешеным ревом обрушились на сирийцев, разом проложив десяток про-сек. Те казались ошеломленными – несомненно, дел с темеху они не имели, хоть память о былых походах фараонов была наверняка жива. Но в эпохи Древнего и Среднего царств ливийский контингент в войсках Та-Кем отсутствовал, да и сейчас экспансия сынов пустыни в нильскую долину только начиналась. Причину я выяснил еще во время прошлой экспедиции: взрыв вулкана Санторин в Эгейском море около 1600 года до новой эры. Взрыв был чудовищной силы, и следствием его явились климатические изменения в Сахаре и во всем восточном Средиземноморье: африканская саванна и прилегающая к Синаю часть Аравии пересыхали уже второй век. Гиксосы с северо-востока и ливийцы с запада хлынули к Нилу, но хека хасут успели первыми. Что не удивительно – все же в их войске имелись лошади и колесницы.

Я двинулся вперед, раздавая удары то плоской стороной клинка, то рукоятью, расталкивая и сшибая противников наземь. Не в моих правилах лишать кого-то жизни, ссылаясь на историческую необходимость; кроме того, победа в битве или тем более в войне не означает кровь и резню. Египтяне, народ цивилизованный, это понимали, но втолковать подобные истины темеху было невозможно. Они рычали вокруг меня, как прайд осатаневших львов, – искаженные яростью лица, перекошенные рты, козьи шкуры в алых пятнах, кривые широкие лезвия, взмывающие вверх, чтобы обрушиться на плоть и кости. Исход таких единоборств зависел не от искусства и ловкости, а от неистовой грубой силы, ибо тяжким оружием было невозможно фехтовать; чуть ли не всякий удар означал или смерть, или страшную рану, которую, пожалуй, не исцелили бы даже в эпоху Взлета, через три с половиной тысячелетия.

За мною шли Инхапи и троица воинов мешвеш, которым полагалось оберегать вождя в бою. Я не питал больших надежд на их защиту – Инхапи был почти что безоружен, а три телохранителя кололи и рубили всласть, не очень заботясь о том, чтобы прикрыть мою спину. К счастью, мой психогенный носитель был силен, как бык, и быстр, точно леопард. Удивительно, что вышло из юнца, который умирал от ран и заражения крови! Когда я вселился в Аупута, он походил на гниющий скелет.

Ошеломление у сирийцев миновало, и теперь они защищались отчаянно, так, как бьются люди с волчьей стаей, не знающей пощады, не понимающей слова о сдаче или перемирии. Цену они заплатили высокую – сотни четыре убитых и раненых валялись в кустах, среди камней на берегу и в речке, окрашивая ее алым. Остальных мы отбросили к возам, прямо на быков, мычавших и бивших в ужасе копытами, но тут получилась заминка: второй отряд пришел на помощь первому. Им командовали воеводы в пурпурных плащах и блистающих тиарах, и среди них был, вероятно, сирийский князь или иная персона высокого ранга. Окруженный стеной щитов и копий, он вел своих солдат прямо в воду, огибая повозки и бесновавшихся животных. Единственный путь для контратаки и удара с фланга; свежий отряд мог потеснить нас, дать передышку отступавшим, а после навалиться всеми силами. Несмотря на потери, сирийцев было вдвое больше, чем моих бойцов.

Я закричал, вращая в воздухе клинок. Я обладаю сильным голосом, а рост и шкура леопарда на плечах делают меня заметным в самой гуще схватки. Увидев сигнал, мой арьергард, ведомый Усуркуном, бросился в воду наперерез сирийцам, а люди Масахарты, поднявшись точно тени меж камней, встретили врага тучей дротиков. Прашники, засевающие на склонах,

начали спускаться вниз; кое-кто раскручивал ремень с глиняным ядром, другие подбирали и швыряли камни или готовились биться врукопашную, секирой и мечом.

Мы сшиблись с сирийским отрядом в бурлящей воде, на скользких камнях и гальке, где всякое неверное движение могло отправить воина в поля Иалу. Впрочем, у шаши свой рай и свой у ливийцев, так что в Поля Блаженных, где правит Осирис, мог попасть один Инхапи.

Стена щитов возникла предо мной, я проломил ее мощным усилием, достал клинком грудь человека в пурпуре. Он захлебнулся кровью, начал падать, а вместе с ним – мои телохранители. Похоже, князя защищали лучшие бойцы, десяток или полтора наемников-хабиру, крепкие чернобородые мужчины в медных шлемах. Дрались они с ливийцами почти на равных: за троих отдали пятерых.

К нам, живущим тысячелетия, забывшим о страхе смерти, время относится благосклонно, не заставляя нас ни медлить, ни спешить, ни, напрягая жилы, растягивать мгновения в тщетной попытке добиться отсрочки у судьбы. Но тот, кто погружается в прошлое, знает: так было не всегда. Для миллиардов навеки ушедших секунды не равноценны – одни торопили их, заставляя действовать стремительно, повиноваться не разуму, но чувствам, другие, унылые, не поддающиеся счету, тянулись, складывались в месяцы и годы, истекали, как вода меж пальцев. Был среди них и самый черный миг – тот, что отделяет жизнь от внезапного конца.

Мы с Инхапи стояли над телом сирийского князя, вдвоем против восьмерых хабиру. Речные струи звенели и кружились вокруг нас, справа летели дротики, посланные Масахартой, сзади, оступаясь на камнях, рыча и потрясая секирами, спешили на помощь люди Осохора. Но в это мгновение мы были вдвоем, только вдвоем против восьмерых.

Чернобородый воин с гневным воплем прыгнул ко мне, вздымая меч, и рухнул в воду с перерубленным плечом. Упал еще один – дротик раскачивался меж его ребер, красные нити извивались в хрустальной влаге точно лепестки цветка. Третий занес клинок над Инхапи.

Тот Инхапи или не тот?.. – мелькнула мысль. Я мог отступить, промедлить секунду, но странное предчувствие повелевало мной: пальцы на рукояти клинка окаменели, мой меч сверкнул и снес нападавшему голову.

Затем – чудовищный удар в грудь, у сердца, обжигающий холод реки, солнечный диск, прыгнувший вверх, и прямо под ним – черные бороды, рыжие гривы, звон оружия и крики: «Гибли! Гибли!» И темнота...

Смерть была быстрой, и только это отличало ее от других моих смертей, более долгих и мучительных.

05

Просторная открытая лоджия висела на пятисотметровой высоте. Я был тут в полном одиночестве; до старта оставался час, и Зал Прощания за моей спиной еще не начал наполняться. Мне всегда казалось, что стоило бы считать его местом проводов, а не прощаний – в последнем есть оттенок необратимости, заставляющий вспомнить о тех, кто ушел к Носфератам. Что же до нас, психоисториков, то мы уходим, но возвращаемся всегда, каким бы образом нам ни пришлось расстаться с жизнью. С мниможизнью, говоря точнее – ведь путешествует наш разум, наша душа, которая теперь бессмертна.

Шел снег, мягкий, пушистый, редкий. Снежинки падали на защитный экран, вспыхивали серебристыми искрами, проваливались сквозь силовое поле, но это был уже не снег, а лишь его иллюзия. Невесомые и прозрачные снежинки кружили надо мной, не касаясь изразцового пола и малахитовых чаш с огромными цветами ниагинги. Они наполняли лоджию тонким, едва заметным ароматом.

Ствол Евразийской базы Койна Реконструкции Прошлого стоит на возвышенности, где некогда располагалась древняя обсерватория. Несколько ее наблюдательных куполов и парк с березами и соснами восстановили в тридцать пятом веке, но гигантская башня нашего Койна была не так стара. Она ровесница открытия ПТ, психотемпорального перехода, который позволил проникнуть в прошлое, или эффекта Джослина, как называют его космологи. Джослин, давно приобщившийся к Галактическим Странникам, построил три ствола, Евразийский, Австралийский и Квезинакский, и оказалось, что этих баз вполне достаточно. Квезинакская база расположена в Нью-Джерси, под Филадельфией, и там занимаются Эпохой Взлета и прилегающими ареалами, примерно с семнадцатого по двадцать второй век. Австралийскую воздвигли в Кимберли, на берегу Тиморского моря; этот центр специализируется на Эре Унижения. Вся остальная история человечества, то есть Темные Века – наша прерогатива. Мы еще не опускались во времена неандертальцев (весьма опасный опыт – примитивный мозг может отторгнуть психоматрицу!), но побывали в Шумере и Египте, Риме, Индии, Китае, в Древней Америке и Греции – в общем, на всех континентах. Сейчас исследуется огромный интервал эпох, включающий четырнадцать тысячелетий и сотни разнообразных культур, однако людей, особенно масштаба гениев, в этом периоде немного. Эры Взлета и Унижения не столь обширны во временном диапазоне, но густо населены, так что рабочие графики трех наших баз считаются примерно адекватными.

Серые тучи затянули небо, свет померк, снег пошел обильнее. Зима! Превратить ее в лето нетрудно, слегка переместив Сибирский Щит, но Балтика, да и вся Европа – заповедные края. Тут ничего не меняют, даже климат.

В светлое время, между весенним и осенним равноденствием, с этого балкона видно далеко – я различаю купол Исаакия, шпиль Адмиралтейства, серо-стальную полосу Невы и пятна зелени на левом берегу – Летний сад, Таврический и Смольный парки. Но сейчас горизонт затянут мутной пеленой, и кажется, что внизу заснеженная тайга, прорезанная древней, взбегающей на холм дорогой. У подножия холма – большая площадка, на которую не падает снег; по ее периметру – двойной ряд гранитных колонн с мерцающими тут и там Туманными Окнами, а в центре – круглое отверстие шахты, и из него в трагическом усилии тянется гигантская рука с шестью фигурками на ладони. Историческое место; как доказали точные изыскания и экспедиции с Австралийской базы, здесь обитатели подземелий впервые поднялись на поверхность. На Поверхность, ибо у этих крошек данный феномен обозначался с заглавной буквы.

Не знаю, кем и когда установлен монумент – может быть, сразу за Эрой Унижения. Первопроходцы... Шесть фигур на огромной ладони, женщина и пять мужчин в броне, Эри,

Крит, Хинган, Дамаск, Мадейра и Дакар. Странные имена, будто взятые из географических справочников, но так было принято в их эпоху. Первые четверо были Охотниками, Мадейра – ученым, а Дакар, как помнится мне, художником. Вероятно, их настоящие занятия отличались от того, что понимают сейчас под охотой, наукой и искусством, но я никогда не вникал в детали. Детали и странности, надо думать, существуют. Киннисон, историк-австралиец и мой приятель, как-то заметил, что Эри и Дакар – самые загадочные личности в шестерке Первопроходцев. Про остальных известно, как они жили и как умерли, а эта пара словно исчезла из реальности и растворилась... Где? Ойкумена пространства-времени не безбрежна, и где-то им полагается проявиться. Их непонятная судьба – одна из исторических загадок, что придают нашим трудам смысл и интерес.

Я ощутил присутствие других людей. Двое – взрослый и ребенок, девочка. Ее аура еще не сформировалась, а ментальный образ взрослого был знаком – аура с привкусом моря, соли и сосны, с оттенком серо-голубого и звуками плещущих о берег волн. Витольд... Я повернулся. Разумеется, Витольд, а с ним девчушка-синеглазка между первой и второй мутациями, румяная и кругленькая точно колобок. Светлые распущенные волосы, пухлые губки, на вид – тринадцать лет... Она взирала на меня с безмерным почтением, словно я был героем Троянской войны или самим Ганнибалом.

– Зоэ, моя дочь, – произнес Витольд, и тут же до меня донеслась его мысль: «Хочешь побыть один?»

«Нет». – Потом сказал вслух:

– Я Андрей. Здравствуй, Зоэ. Такому имени, как у тебя, можно позавидовать. Знаешь, что оно означает?

– Знаю, – шепнула она, краснея от смущения, – знаю. Жизнь!

Витольд улыбнулся:

– Зоэ первый раз со мной. Хочет посмотреть на церемонию прощания. Кстати, кого мы сегодня провожаем? Риту? Линду?

– Риту.

– Очень милая женщина... и толковая... – Он ласково растрепал девочке волосы. – Иди, малышка, полюбуйся залом. Там много интересного.

Девочка, кивнув, исчезла под аркой.

– Шестое дитя, которое я вырастил, и, наверное, последнее, – сообщил мой коллега, делая шаг ко мне. Темная мантия, спадавшая с его плеч, тихо шелестела. Сероглазый и белолицый, с кудрями цвета льна, он смотрел на меня с легкой улыбкой. – Ты изменился, Ливиец... Ментальная инерция? – И, не дожидаясь ответа: – Мои стигматы уже проходят. Вот, погляди.

Повернув голову, Витольд прикоснулся к щеке. Бледно-розовая отметина пересекала скулу, висок и пряталась под волосами. След меча или секиры, шрам от смертоносного удара... Повезло! Витольд, как и я, не мучился, дожидаясь смерти.

– Пустая экспедиция, – заметил он, пригасив улыбку. – Думал уйти лет на двенадцать, добраться с первыми судами до Квезинакса, обследовать Гренландию, да вот не получилось. Не вышло, чтоб мне в Хель провалиться!

– Почему так?

– Партнера неудачного выбрал, кровника Олафа Медвежьей Пятки. Олаф его копьём проткнул, а после, узнав, что кровник жив-здоров, в такое чудо не поверил. Тут бы мне и покинуть Швецию, уехать хоть к данам, хоть в Британию... Не успел! Столкнулись с этим Олафом на Готланде, ну и... Неудачный партнер, – закончил он со вздохом.

Партнер – неофициальное обозначение психогенного носителя. Кое-кто из наших склонен употреблять более интимные термины – брат или сестра, но, разумеется, в тех случаях, когда речь идет о людях древности. В общем случае психогенный носитель – субстрат

для физического вместилища психоматрицы, и таковыми могут являться биологические объекты с развитой нервной системой, среда Инфонета либо подобные Носфератам существа.

Витольд подошел ко мне, встал рядом, и некоторое время мы любовались падающими снежинками и обсуждали результаты своих последних странствий. Сфера его интересов – Скандинавия, викинги и их экспансия на запад, в Исландию, Гренландию и на континент, что назывался некогда Америкой. Сейчас это название почти забыто, как относящееся к историческим курьезам и ошибкам.

В отличие от Саймона Витольд не входит в мою вару, мы не были близкими друзьями, но я относился к нему с глубоким уважением. Этот человек был упорен и храбр, умел искать, и заслуги его велики: он упорядочил представления о скандинавской мифологии еще в те годы, когда мы с Саймоном рылись в Кольце Жерома. К другим его подвигам относятся записи исландских саг, восстановление драккаров, оружия, предметов быта северян и масса сведений психоментального характера. Я просматривал капсулы его воспоминаний – это потрясающий материал! Ему приходилось изучать народ не менее дикий, чем ливийцы, и, кроме того, обитавший на краю земли, у ледяных морей. Он, вероятно, был столь же приспособлен к холоду, как я – к жаре, но это не разъединяло нас, ибо имелась причина глубокого сходства наших занятий: мы изучали самых отъявленных, самых свирепых разбойников во всей человеческой истории.

Лицо Витольда стало задумчивым, взгляд скользнул к затянутому облаками небу.

– Я не представил отчет о своем последнем погружении, – вдруг произнес он. – Нет смысла. Ничего нового, ничего интересного, все уже было – Бирка и Готланд, воины, корабли, торговые склады, песни скальдов, бахвальство и пьяные драки... Делиться тем, как Олаф выпустил мне кишки? Нет, увольте! – Помрачнев, Витольд пожал плечами. – Но это, в сущности, мелочь, пустяк. Когда-нибудь я все же попаду в Квезинакс, в Винланд, как называли его скандинавы, пересеку океан в их ладье и опишу подробно это странствие. Узнаю каждого человека, их жизни и судьбы, их мечты, надежды, страхи... узнаю это и сохраню для миллионов, желающих вспомнить о прошлом. Так же, как делаешь ты, как делают Рита, Вацлав, Егор и остальные... – После паузы он с хмурым видом вымолвил: – Наступит пора, когда мы узнаем все. И что же потом?

– История конечна, зато обширна, Витольд. Очень обширна, – сказал я с улыбкой. – Что тебя печалит? У нас отличная работа, ты имеешь дочь и, вероятно, возлюбленную... На Тоуэке говорят: если у вашей планеты три луны, стоит ли жалеть о том, что нет четвертой?

Пальцы Витольда коснулись моей груди.

– Ты еще молод, Ливиец. У долгой жизни масса преимуществ и лишь один недостаток – она надоедает.

Возможно, и так. *Crede experto* – верь опытному. Витольд втрое старше меня, если считать в реальном времени, и мниможизнь его была не менее долгой. Тысячелетие тут, тысячелетие там – достаточный срок, чтоб испытать пресыщение.

Витольд снова уставился на небо, но вряд ли он видел сейчас низкие тучи, пляску снежинок в морозном воздухе и скрывающую город белесую мглу. На миг коснувшись его разума, я ощутил усталость и грусть; рокот моря, вкус, аромат, цвета и краски, ментальный символ его личности как бы пригасали, уступая более мощному позыву – вверх, вверх, в темное бескрайнее пространство, в нескончаемую ночь среди звездных равнин. Этот образ диктовался нашим восприятием Галактики и был, вероятней всего, несовершенным: тьма и ночь для нас, свет и вечный день для Носфератов.

– Ты хочешь?.. – Мой голос дрогнул.

– Нет, еще нет, пока Зоэ мала. – Витольд покачал головой. – Но я начинаю понимать ушедших, и смотри, как мало времени для этого нужно. Столько... – Он сорвал яркий пунцовый цветок, и мы оба смотрели, как трепещут, сворачиваясь плотным шариком, лепестки, как

шар замирает, трескается и вдруг рассыпается пылью. Цветы ниагинги не живут отдельно от стеблей и корней.

Мы направились в Зал Прощания, откуда уже доносился сдержанный шелест голосов.

Начинаю понимать ушедших... Вот так и бывает, думал я, замедлив шаги, так и бывает. Детям это вообще не интересно – они уверены в своем бессмертии, а молодые не представляют, зачем отказываться от тела и телесных радостей. Такая мысль как минимум повод к недоумению, а иногда и страху – пожалуй, это единственная причина страха в нашем мире. Но время идет, недоумение сменяется любопытством, любопытство – пониманием, а понимание – решимостью. И рано или поздно мы уходим...

На какой же стадии я сам? Недоумения и страха уже не испытываю, понять еще не могу... Определенно не могу! Жизнь в человеческом обличье держит меня крепко, и солнечный зной, ветер и жаркие пески пока мне дороже прохладных и вечных звездных равнин. А кроме того, мои ливийцы и мои исследования, наш Койн, мои коллеги и любимая, ребенок, не выращенный мной, Егор, Саймон... Подумав о нем, я вспомнил о его таинственном приятеле и усмехнулся. Вот и ответ! Любопытство, мой друг, любопытство...

Зал Прощания – сплюснутый, искаженный додекаэдр: просторные пятиугольники пола и потолка обрамлены, словно лепестками, мелкими пятиугольными стенными панелями с отчеканенным символом Койна, двойной спиралью, пронзающей сферу. Пентагональная симметрия тоже символ, ибо у истоков ПТ стояли пять отцов-основателей: космолог Жильбер, психолог Ву, два математика, Аль-Джа и Ольгерд, и нейрофизик Джослин. В их честь – или, возможно, по практическим соображениям – в нашем Койне пять фратрий – координаторы, аналитики, полевые агенты, а также службы биотехнической поддержки и реконструкции памятников прошлого. Когда-то, еще до открытия ПТ, последняя фратрия была основной, и в ней трудилась уйма народа, не говоря уж о привлеченной технике и энергетических ресурсах. За пару тысяч лет реконструкторы восстановили сотни городов и миллионы памятников культуры, от рукописей и живописных полотен до крепостей, святилищ и древних ирригационных систем. Благодаря их усилиям Земля превратилась в музей, не ставший, однако, хранилищем мертвых экспонатов – мы можем не только любоваться Афинами, Нью-Йорком, Вавилоном, Римом императорской эпохи, Теночтитланом или Парижем, но жить в этих старинных городах.

Зал наполнялся. Я встал у арки, ведущей в лоджию, кивая и улыбаясь коллегам, чувствуя их ментальные прикосновения. Давид, Гинах, Егор, Илья, Линда, Тенгиз, Георгий, Хьюго, Вацлав... Координатор Давид – нечто прочное, основательное, в неброских коричневых оттенках; Гинах – краб, ползущий по песку, бурый панцирь, крепкие хватистые клешни; мой друг Егор – пурпур и золото, грохот барабанов и литавр, вкусный запах вина и жаркого; Илья – ночь, седое серебро, лунная дорожка в море; Линда – нежный аромат жасмина, белый и лиловый цвет; Тенгиз – лапа снежного барса со втянутыми когтями, мышцы, напрягшиеся, как струна; Георгий – блеск меди, густой перезвон колоколов; Хьюго – дождь, поникшая ива над водой, свежие запахи трав и зелени; Вацлав – каменная башня, зубчатый парашют, посвист летящей стрелы... Эти ментальные образы незаменимы при общении, они ясней и четче сложных имен, принятых в древние эпохи.

Туманные Окна вновь и вновь вспыхивали на стенных панелях-лепестках, один за другим прибывали люди, кто сквозь портал, кто с помощью гравиколодца или через обычную дверь. Аналитики, полевые агенты, биотехнологи – Патрик, Фархад, Мэй, Астарта, Петр, Дана, Атаназ... Знакомые лица, шум голосов, тепло соприкоснувшихся рук, чья-то ладонь на моем локте, нежное ментальное приветствие и поцелуй... Астарта, гибкий бамбук под горным ветром, несущим прохладу. Когда-то мы с ней...

Краб протягивает клешни. Гинах. Сухощавый, с резкими чертами и упрямым подбородком, предпочитающий возраст зрелости – морщины у губ, на переносье и лбу, тронутая сединой шевелюра.

– Рад видеть вас, Андрей. Я попытался связаться с вами, однако конструкт...

– Сенеб, – поправил я. Не люблю, когда моего хранителя бьона называют конструктом.

– Да, Сенеб... Он постоянно твердил, что вы в Зазеркалье, готовите записи к отчету. Надеюсь, работа была успешной?

– Вполне. Никто не забыт и ничто не забыто.

Выглядел мой коллега странно – хмурился и озирался по сторонам. К тому же от Гинаха исходили совсем несвойственные ему флюиды смущения и нерешительности.

– Я хотел бы встретиться с вами, Андрей. Желательно лично, не в ви-проекции. Есть одна проблема... не могу разобраться, понимаете... – Помявшись, он добавил: – Проблема – одно, а другое – человек, который интересуется нашими исследованиями, вашими и моими. Некто Принц.

Принц! В восприятии Гинаха – синева и упрямая неподатливость стали.

– Слышали о таком?

– Не припоминаю. – Я покачал головой. – А что за проблема? Касается западных ливийцев? Ошу?

– Да. Хотя в период моей мниможизни их называли иначе.

– Возможно, это совсем другое племя, Гинах. Я изучал тех ошу, которые жили на западе в середине второго тысячелетия, за семь веков до дней, когда на месте Карфагена вбили первую сваю. В такую временную щель могут провалиться не один, а пять народов, неизвестных нам. Пришельцы с моря, с Сардинии, Сицилии, Иберии или темнокожие мигранты из долины Нигера... В данный момент я не имею информации о них.

– Это мне известно. И все же я хотел бы встретиться с вами. Простите мою настойчивость, но должен сказать...

Пурпур и золото, гром боевого барабана. Егор.

Гинах, насупившись, отступил. Егор из моей вары, а значит, имеет право на первоочередное общение со мной. Он пользуется этим не всегда, но если друг атакован упрямым Гинахом... Впрочем, Гинаха я не хотел обижать.

«Где вы хотите встретиться? Когда?»

В его ответной мысли все еще сквозила нерешительность.

«Может быть, в моем бьоне? Сегодня?»

Мощная ладонь Егора опустилась на мое плечо.

– Сегодня, но не раньше, чем мы отметим мое возвращение. Так, малыш?

– Так, – подтвердил я.

Рост у меня вполне приличный, но рядом с Егором мы все малыши. О таких, как он, ливийцы говорили: пантера ляжет на его груди, тяжесть быка не согнет его плеч, камень рассыплется в кулаке. Он великан с Кельзанга, что в древнем шаровом скоплении Рерит, тысяча триста парсек над краем галактического диска. Великолепный мир, почти не нуждавшийся в терраформировании. Без Галактических Странников мы бы его не нашли.

Мантия Егора спускалась ниже колен, темный нагрудник под ней прикрывал шею. Он обхватил меня за плечи и прижал к себе. Моя голова пришлась напротив сердца, и я услышал его громовые удары: бах, бах, бах! Каждый – словно ядро, разбившееся о крепостную стену несокрушимых ребер.

– Как твоя девочка? – Это он о Тави. – И как ты сам? Давно уже здесь?

– Все отлично, – пробормотал я, барахтаясь в его объятиях. – Приводил в порядок свои записи, когда... гм-м... – Личико Тави мелькнуло передо мной, и я закончил: – Когда позволяли обстоятельства. Вернулся тринадцать дней назад.

– А я позавчера, – мрачней, сообщил мой друг, – и с тех пор все отмечаю и отмечаю. – От него и в самом деле вкусно пахло вином. – Отмечаю красным, белым и розовым, хересом и мадерой, вермутом, бражкой с Титана и альфастиnellой с Луны... Пытаюсь восстановить душевный покой и поприданную гордость.

– Кто же осмелился ее попать? – Я был искренне удивлен.

– Ты видишь этого человека, малыш? – произнес Егор, приподняв меня и отодвинув на длину руки. – И как он тебе?

– Титан-кельзанг! Лучший из образцов человеческой расы! Огромный, как гора!

– Правильно, – со вздохом подтвердил Егор. – И этому титану пришлось втиснуться в крохотное тело. Во-от в такого братца-карлика.

Он провел ладонью пониже груди, на уровне моей ключицы. Не такой уж карлик, мелькнула мысль, но по Егоровым масштабам что-то, разумеется, ничтожное, совсем неподходящее для личности, привыкшей обзирать большую часть человечества сверху. Каждый из нас, полевых агентов-наблюдателей, стремится к тому, чтобы носитель был такого же роста и веса, как он, ибо телесное сходство облегчает адаптацию. Но это удается не всегда – тем более что в миг вселения наш будущий партнер не в самой лучшей форме. Тут важно осознать его потенциальные возможности, способность увеличить мышечную массу, нервный тонус, скорость реакции и тому подобное. С Аупутом мне определенно повезло, а вот Егора, кажется, постигла неудача. Как и Витольда.

– В карлика! Меня – в карлика! – повторил Егор, сокрушенно качая головой. – Ноги как палки, руки – хворостинки, происхождение – хуже некуда, самое плебейское, и к тому же он умирал от чумы... Пришлось поработать над парнем, и кое-чего я добился, но рост, рост!.. Рост мешал карьере и многому другому, даже в постели с девицами. Что за унижение, представляешь?! Сделался жонглером, мышцы окрепли, но в войско таких все равно не берут. Шел с Аэцием в обозе, развлекал солдат и так допер до Каталаунских полей. – Помолчав, он скромно добавил: – Все, кстати, записал.

До Каталаунских полей! На миг мое сердце замерло. Обязательно посмотрю эту запись! Есть события, определяющие ход истории и миллионы судеб, вехи поистине великие, и битва между Флавием Аэцием и Аттилой, между римлянами и гуннами, бесспорно принадлежала к их числу. Егор занимается Европой третьего–пятого веков от Рождества Христова и в основном Римской империей времен ее распада на Западную и Восточную. Для исследователя в этой области стать очевидцем сражения века – потрясающий успех! Даже если твой носитель – карлик, шут из армейского обоза.

Я хотел сказать об этом Егору, но внезапно гулкий звук раскатился под сводами, заставив нас отступить к стенам. Зал словно бы сделался шире, и в самой его середине вспыхнул пятиугольник Туманного Окна. Голубоватая пленка, затягивающая портал, раздалась, пропустив хрустальный саркофаг с обнаженной женской фигуркой. Рита. Черный лебедь, скользящий в пруду среди кувшинок, тихий перезвон кимвал... Она улыбалась нам.

Провожающих, по традиции, было немного, меньше сотни человек – близкие из Ритиной вары, те, кто хорошо ее знал, коллеги, трудившиеся в смежных областях. Все специалисты Койна – в темных одеяниях, мантиях или плащах, переливавшихся на сгибе серебряной волной, в чем-то вроде униформы, не официальной, а, как и сама церемония, связанной с давней традицией: темный цвет символизирует для нас погружение в Темные Века. Витольд и Зоэ, его дочь, стояли напротив, а рядом с ними, в объявшем саркофаг кольце, ярким пятном выделялись четверо в сверкающих радужными искрами нагрудниках. Один из них, невысокий рыжеватый мужчина, держался с уверенностью лидера. От этой группы не исходило никаких ментальных излучений, что казалось странным, даже невежливым – люди, явившись в незнакомую компанию, обычно не ставят мысленный блок. Цель таких визитов –

поискать контакты с новыми людьми, расширить круг общения, но если разум ваш закрыт, кому захочется общаться с вами?

Давид, строгий и важный в черном, ниспадающем до пола плаще, шагнул к саркофагу. Его глаза на миг затуманились – как бывает, когда выходишь на связь с Инфонетом. Одна из частиц Зазеркалья, машина нашей базы, уже завершила расчет и, вероятно, настраивала сейчас системные модули – те, что экстрагируют из мозга психоматрицу и посылают ее в точку с нужной темпоральной кривизной, и те, которые внедряют механизм возврата с прочими ментальными устройствами, и те, что следят за телом путника, чей разум погрузился в мниможизнь. Компьютер и все подчиненные блоки – это хроноскаф-конструкт с искусственным интеллектом порядков на пять мощнее, чем у моего Сенеба. Умный агрегат, но без нас он ничто. Без нас он просто не имеет смысла; мы, существа, наделенные разумом, живем не только в настоящем, мы простираемся в прошлое и будущее, за рубежи, когда нас не было или уже не будет. Во всяком случае, не будет в тех телах, которые дарованы природой.

Мысленный приказ Давида отозвался эхом в моем сознании. Невольно я вздрогнул, чувствуя, как сильные пальцы Егора стискивают мое предплечье. Рита вытянулась в своем саркофаге и закрыла глаза. Я видел, как на ее виске сильно и часто бьется жилка.

– Расчетный темп реальности и мниможизни – один к девятисто семи, пять, пять, три, восемь, – произнес сухой голос конструкта. Это означало, что за один день настоящего в прошлом истечет три месяца с небольшим – вполне приличный показатель, лучший, чем у меня в последнем странствии. Темп определяется топологической структурой пространства-времени, его кривизной; чем она больше в сравнении с моментом старта, тем меньший период в настоящем займет экспедиция.

Мантия Давида зашелестела. Он повернулся, раскинув руки, будто хотел обнять нас всех:

– Прощаемся, коллеги. Ваши пожелания.

Кто-то сразу выкрикнул:

– Не грехи слишком много, детка!

Раздался смех, затем посыпалось:

– Хорошего тебе партнера!

– Удачи! Мы тебя любим!

– Здесь Кей и Елена. Не забывай о нас!

– Воплотись красавицей, дорогая!

– Подари Шота счастье!

– И царице передай привет!

– Помни: красота убеждает больше, чем сила!

– Помни: лучше славная кончина, чем позорное житье!

Тенгиз, сделав шаг к саркофагу, начал:

– Как прекрасное алоэ,
В золотых садах Евфрата,
Восседала на престоле
Та, чьи брови из агата...

Вацлав продолжил:

– Как рубин, уста горели,

Лик был светел, как кристалл...

Линда подхватила:

– Ни один мудрец афинский
Красоты такой не знал!

И снова:

– Воплотись красавицей!

В нашу эпоху торжества генетики нет переходных градаций между полами, нет мужеподобных женщин и женоподобных мужчин, нет странных и диких извращений, свойственных древним временам. Очень редко мы выбираем носителя другого пола, и считается, что это опасный, крайне нежелательный эксперимент, ибо ломка психики неизбежна. Нет и особой необходимости мужчине воплощаться в женщину и наоборот – в прошлом для нас хватает и сестер, и братьев, стоящих на пороге смерти. Это так, но все же у нас, на Евразийской базе, женщин-психоисториков немного. Причина не связана с выбором носителя – просто в большинстве древних культур, если не считать матриархата, женщина была едва ли не рабыней, что, несомненно, мешает плодотворным историческим трудам. Были, правда, времена особые и редкие места, где и когда не властелин, а повелительница правила страной, и там выходило дамам послабление. Не всем, конечно, а близким к королеве, но это уже дело техники.

Давид вскинул руку, и пожелания смолкли. Лицо Риты под прозрачной крышкой саркофага побледнело и застыло; потом ее хрустальный кокон начал медленно тонуть в Окне, опускаясь прямиком в криотронный бункер хроноскофа. Плоть ее пребывала здесь, в последнем веке одиннадцатого тысячелетия, но дух, сознание, разум – нейронная структура мозга или то, что называли в прошлом душой, – уносилось сейчас в средневековую Грузию, в эпоху царицы Тамар, в сказочное время Шота Руставели. Собственно, его подробное жизнеописание и оригинал «Витязя в тигровой шкуре» и являлись целью экспедиции.

Все дальше и дальше в глубь веков, все ниже и ниже в колодце времени... Я знал, как это выглядит: камера в основании башни, мягкий гул темпорального реактора, затем псионный всплеск, фонтан холодного прозрачного огня, бушующего между цилиндрами эмиттеров. Доля секунды – и после экстракции психоматрицы, все исчезает; псионный импульс, запечатлевший душу Риты, мчится через годы и столетия, мелькая призраком в давно прошедших временах. Тень будущего в прошлом...

В Туманном Окне поблескивала крышка саркофага, и Ритино лицо под ней казалось ликом беломраморной богини. Последний миг прощания, но четверо в ярких одеждах, стоявшие рядом с Витольдом, глядели не на нее, а на меня. Глаза у рыжего, невысокого, были ливийские – светло-серые и удлиненные к вискам; лоб его пересекала полоса интерфейсного обруча. Похоже, он пытался зондировать мой разум – не представившись и не послав приветствия. Скверное начало для знакомства.

Саркофаг исчез, Туманное Окно закрылось.

– Улетела, – промолвил Егор, выпустив мою руку. – Пойдем, малыш. Я знаю один кабачок в Ниневии... мясо барашка и красное вино... – Он выразительно причмокнул.

– Пойдем, – кивнул я и, на секунду сосредоточившись, прикоснулся к Зазеркалью. Часть моего отчета, готовая и должным образом отредактированная, была уже сброшена в главный мегалит и сделалась общедоступной. Не считая Давида, с ней ознакомились Гинах и еще сотни три специалистов. Кроме того, масса любопытствующей публики – разумеется, взрослые, ибо многие мои воспоминания не предназначались для детей.

Егор, обняв меня за пояс, повлек к Туманному Окну.

06

Боюсь, что в этот раз я оказался плохим сотрапезником. Мы сидели в увитой лозами беседке, в кабачке «Благословение Шамаша», пили красное вино, ели устриц и нежное мясо барашка (то и другое – из синтезатора), и Егор рассказывал мне о гуннах, готах, латинянах и вечном городе Рима, что раскинулся у Тибра на семи холмах. Окрестные пейзажи весьма подходили к его историям: кабачок, несколько уединенных павильонов, располагался на искусственном холме, откуда были видны стены, ворота и башни Ниневии, уступчатые пирамиды храмов и дворцов с крылатыми быками и грозными фигурами царей, улицы и площади, вымощенные розовым обожженным кирпичом. Рим, волчье логово, Ниневия, логово львов... Тщательно восстановленные, как и другие исторические города, свидетели минувшего, полные жизни и в нашу эпоху... У Ассирийского Музея и Корпуса Анналов Саргона толпится народ, над плоской кровлей Глиптотеки повисла воздушная лодка, Площадь Фонтанов заполнена людьми, и там полощатся на ветру пестрые тенты, кружат глайдеры и сияют, переливаются голографическим светом вывески театров, ресторанчиков и винных погребков.

С запада городскую стену подпирали набережная и бурая дуга Тигра, с трех остальных сторон простирались рассеченные дорогами сады с пирамидой Дома Уходящих и мелькающими тут и там кровлями и башенками вилл. В Петербурге – исход февраля, снег и метель, а здесь под бирюзовым небом уже курчавятся свежей листвой яблони и персиковые деревья. Серый и желтый камень, оранжевый кирпич, голубизна трипластовых дорожек смотрелись празднично и ярко на фоне зелени. Я любовался этой картиной,пил вино, слушал Егора, но думал о другом.

Зал Прощания, Рита в хрустальном саркофаге, фигуры в темных мантиях, отблескивающих серебром... Проводы. Семьдесят девять моих экспедиций и сотни, даже, наверное, тысячи, когда я провожал других – коллег, друзей, знакомых. До Риты я попрощался с Аль-Хани, за пару дней до собственного погружения. Не прошло и трех месяцев с этого часа, однако торжественный ритуал казался новым, неожиданным или, во всяком случае, изрядно подзабытым. Не труды над отчетом и не сладкие губы Тави тому виной, а причуды времени: три месяца прошли в реальности, но для меня, Андрея-Гибли, истекло семнадцать лет.

Время! Если осталось что-то мистическое в нашу эпоху, то это тайны времени и Носфераты. Но Галактические Странники далеко, и с ними мы не сталкиваемся каждый день, а время – та неизбежность, которая рядом. Рядом всегда, и мы, как все вокруг, плывем в его потоке.

В потоке ли? Время дуально, и это значит, что объективное время и восприятие его мыслящим существом – разные вещи. Время как объективная категория связано с пространством, с игрой вселенских сил, и кажется, что оно непостижимо – ведь чтобы раскрыть его тайны, нужно расстаться с реальностью, выйти из потока и бросить взгляд извне на Мироздание. Что же касается восприятия времени, то это ментальный процесс, зависящий от биохимии и энергетики мозга. Органическая жизнь подвержена тлену, если не принять особых мер; молекулярные структуры, основа жизни, не восстанавливаются с идеальной точностью, клетки и ткани стареют и гибнут, и в результате мы воспринимаем время самым тривиальным образом. Интуитивно, подсознательно время мыслится нам однородным и линейным, текущим в завтра из вчера, и в этом убеждении нас поддерживают астрономические циклы, коловращение небес, смена сезонов, фаз луны, ночи и дня.

Иллюзия! Всего лишь иллюзия!

Дуальность времени ощутили еще в Эпоху Взлета, но его связь с ментальными процессами осталась не понятой и не раскрытой. Как и загадка мышления – к ней не успели даже подступиться.

Мозг созданий, способных изменяться и усложняться, по мере своего развития идет к порогу, перешагнув который, животное становится разумным. Смутное осознание индивидуальности, выделение себя-личности среди других особей – вот первый прогрессивный шаг, и он всегда и всюду, во всех известных нам мирах, сопровождается восприятием времени. Затем ощущение собственного «я» делается отчетливой, возникает язык или иная сигнальная система, появляется дар к логическим умозаключениям, сначала простейшим, затем все более сложным. Следующий этап – построение моделей мира, религий, наук и искусств, активное преобразование реальности; и одновременно с этим нарастает мощь ментальных излучений мозга. Наконец, качественный скачок: признание факта, что разум способен функционировать не только в биологическом коллоидном растворе, но и в других субстанциях, структурированных должным образом, более гибких, подвижных и долговечных. Это означает, что психоматрицу – то есть душу или собственное «я» – можно экстрагировать из тела, внедрив затем в небиологический, даже неведущий субстрат – скажем, в среду Инфонета. Такому разуму доступно, казалось бы, невозможное: выйти из темпорального потока и бросить на него тот самый взгляд извне. Иными словами, разум, не отягощенный плотью, способен построить модель объективного времени.

Это было сделано в девятом тысячелетии. Я не космолог, не математик и не могу утверждать, что разбираюсь в их теориях во всех деталях. Но основы мне понятны – те философские аспекты, что предваряют формулы и уравнения.

Пространство и время – суть атрибуты Вселенной, взаимосвязанные, целостные, слитные с момента Большого Взрыва. Пространство – не пустота, изотропная в любом направлении, оно обладает кривизной, фрактальной многомерностью и прочими свойствами, особыми для каждой точки Вселенной. Также и время; его нельзя представить в виде простых геометрических фигур, линии, круга, спирали, ибо оно сложнейший топологический объект. Как и пространству, ему присущи кривизна, фрактальное самоподобие, изгибы, складки, вихревые токи, сингулярность в районах черных дыр – собственно, все это относится к общей топологии пространства-времени, так как они неразделимы. Все события в Метагалактике, закономерные и хаотические, случайные и обусловленные причинной связью, происходят в определенных точках топологической структуры и в определенном смысле могут считаться одновременными. Это нелегко понять, но в данном случае речь идет не о той одновременности, которую мы обычно представляем, а о многомерном процессе – или, скорее, о его удобном описании.

В рамках такой модели не существует категорий прошлого, настоящего и будущего; их с равным успехом можно считать игрой воображения, либо сиюминутным восприятием мыслящего мозга, либо биологической особенностью нервных тканей. Когда это было осмыслено, возник естественный вопрос о восприятии перемещений в топологической структуре. Жильбер из Койна Космологов отметил, что всякий сдвиг от точки к точке является, в сфере ментальных ощущений, переходом из настоящего в прошлое или будущее. Почти столетие эта идея то принималась, то отвергалась в академических кругах; кто соглашался с нею, а кто считал игрой ума или гипотезой, которую не доказать и Носфератам. Затем психолог Ву и математик Аль-Джа с Альгейстена все же прояснили ситуацию, установив, что материальные объекты и связанные с ними события жестко фиксированы в объективном времени, но психоматрица более подвижна. Методика экстракции психоматрицы в среду Инфонета была уже хорошо известна, и Джослин, опираясь на результаты Ву и Аль-Джа, разработал теорию ПТ, а через несколько лет и опытную установку.

Первое странствие совершила женщина-историк Дейдра, изучавшая миграцию полинезийских племен. Ее вояж был недолгим, всего четыре дня, что обернулись для Дейдры семью месяцами. Этот эксперимент дал импульс теории – Аль-Джа и Ольгерд, его ученик, погрузившись в Зазеркалье, вынырнули в реальность с расчетом кривизны топологической поверхности. Было доказано, что в зонах с большей кривизной время течет быстрее, и эти области воспринимаются нами как прошлое; попав туда, мы проживаем годы мниможизни, тогда как в настоящем проходят месяцы и дни. Более плоские зоны будущего тоже доступны для изучения, но в этом нет нужды: ждать результатов дольше, чем сделать компьютерный прогноз. Наш мир стабилен и надежен, и все, что происходит в нем, известно в будущем. Не стоит его торопить и тревожить.

Другое дело прошлое. Мы потеряли столь многое во времена Большой Ошибки, в тысячелетие глобальных катастроф! От городов остались груды кирпича, бетонных плит и ржавой арматуры, сгнили полотна, шедевры гениальных мастеров, сгорели фотографии и книги, стерлись ленты и диски с фильмами и памятными записями, рассыпались прахом сокровища, добытые археологами, папирусы и пергаменты, посуда, рукописи, расписные вазы, оружие, одежды, украшения... Пожалуй, только глина и камень пережили ту эпоху, еще раз доказав, что нет материалов долговечнее. Где-то, в каких-то особых случаях нам повезло: под Эрмитажем, Прадо и Лувром нашли хранилища картин, храмы майя и пирамиды на нильском берегу не рухнули, сохранились тоннель под Ла-Маншем, тысяча-другая статуй, руины Колизея и Помпей, фрески Тассили... Но многое, слишком многое пришлось восстанавливать с нуля. Не только восстанавливать – заново писать историю цивилизаций и народов, которые уже не воскресить.

Что бы мы делали, если бы не нашелся способ проникновения в прошлое? Отправились в космос, к Носфератам, и попросили бы их рассказать, кто мы такие, от кого произошли? Это был бы акт отчаяния, явное свидетельство того, что корни наши утеряны и мы не в силах их восстановить. Достояна ли такая раса уважения?

«Впрочем, о чем сожалеть?..» – думал я, слушая рассказ Егора. Дело прошлое, и мы с ним справились. Ошибаться, каяться и исправлять содеянное – естественные процессы жизнедеятельности человека.

Мой друг прищелкнул пальцами.

– Чего желаете? – приятным контрастьто отозвалась беседа.

– Еще вина. И ви-проектор... Есть тут ви-проектор?

– Видеопроектор прямо над вами. Вмонтирован в потолочную балку. Список популярных зрелищ: пляски жриц в храмах Ашшура и Бела, возвращение царя Синаххериба из похода на Вавилон, осада и разрушение Ниневии, битва при...

– Не требуется! – Егор хлопнул по столу ладонью, и плывущий в воздухе поднос опустился у его руки. Он поднял кувшинчик, налил мне и себе. Вино плескалось в прозрачных оксидитовых бокалах.

Егор сказал:

– Выпьем за возвращение, Ливиец. Выпьем за то, чтобы оно было скорым и безболезненным. У Риты, у тебя и у меня. У всех нас.

Когда бокалы опустели, он подпер крупную голову кулаком и мрачно уставился в блюдо с костями барашка. Казалось, недавнее оживание покинуло его; щеки и лоб побледнели, и серые полукружья под глазами, знак рождения на Кельзанге, сделались заметнее.

– Возвращение... – пробормотал Егор. – Я должен рассказать... рассказать и показать, чтобы избавиться от тяжести... Мой путь обратно, малыш, был нелегко.

Что-то произошло, понял я. Что-то случилось там, на Каталаунских полях, после или во время битвы. Что-то такое, что мучает его, гнетет и не дает забыться. Кому же поведать об этом, если не другу?

Налетел ветерок, и листья виноградной лозы, оплетавшей беседку, тихо зашелестели. Солнце клонилось к закату за бурными водами Тигра, из города, что раскинулся под нами, долетали звуки музыки, далекий гул толпы и смех. Город, замкнутый в кольцо стен, был невелик, не то что мегаполисы Эпохи Взлета, и всю его территорию можно было окинуть взглядом. На севере, над садами, всплыл в небо изящный корпус яхты – эллипсоид на тонком стержне, раскрывшемся лепестками гравиподъемника.

– Рассказывай, – произнес я.

– У меня был возок с лошастью, – начал Егор. – Хороший мерин италийской породы, приученный бегать под седлом. Когда началась заварушка, я выпряг его, покинул лагерь и направился к холмам. Искал место повыше.

Повыше, ясное дело. Чтобы обозреть и зафиксировать столкновение двух многочисленных армий, нужен холм, или дерево, или крепостная башня. Найти их нелегко, если ты сторонний наблюдатель – все подходящие высоты заняты военачальниками. Наилучший вариант, если ты сам полководец или состоишь в генеральской свите адъютантом либо посыльным. Посыльным даже удобнее, шире возможности для сбора данных.

Но мой друг в той мниможизни не был ни генералом, ни адъютантом, ни гонцом. Шут, жонглер, который следует за войском, чтобы развлекать солдат...

Уловив мои невысказанные мысли, Егор шевельнул бровью:

– Да, все было занято, малыш, набито под завязку. На холмах стояла пехота германцев-вестготов, союзников римлян. На лесной опушке прятались конные франки и бургунды, тоже союзники, а легионы перекрыли равнину. Для Аэция и его штабных воздвигли помост, но сам понимаешь, туда мне дорога была заказана. Все же я нашел курганчик в стороне – там росли старые вязы, разлапистые и не слишком высокие, но лучше хоть это место, чем ничего. Половину дня пришлось сидеть на дереве. – Он покрутил бокал в пальцах, поднял и отпил вина. – Знаешь, на Кельзанге есть оог, тварь такая вроде здоровенной птицы, однако не летает, а лазает по веткам – клюв и лапы у нее как тиски. Затаится в листве, крутит башкой туда-сюда, крыс-короедов высматривает... Вот и сидел я на дереве точно оог, а крысы внизу мельтешили да резали друг друга. Ну а когда гунны ударились в бегство, я слез, сел на своего конька и поехал разглядывать местность и что там на ней творится после побоища. Искушение, понимаешь... Хотелось мне Аэция зафиксировать, и не только его – возмечтал до Аттилы добраться.

Я кивнул. Естественное желание! Увидеть полководца и вождя, две исторические личности, запомнить их и воспроизвести в записях полного присутствия... Аэция – в момент виктории, в час его великого триумфа, Атиллу – в миг величайшего поражения... Тем более что судьбы у победителя и побежденного были одинаковы – через два-три года оба умрут и, вероятно, насильственной смертью. Я бы тоже не устоял, не высидел на дереве!

– Все там перемешалось... – задумчиво протянул Егор. – Люди, кони, мертвые, живые, готы, гунны, франки, латиняне... Но гунны – шустрые ребята, хоть и бежали, а пропустить, что плохо лежит, не в их обычае. В общем, малыш, меня заарканили – наткнулся на какой-то небольшой отряд из запасных, что не были в бою и панике не поддались. Увезли за Дунай – становище у них где-то в районе нынешнего Будапешта. Пока везли, лютовали в меру, ухо отрезали, руку сломали, пальцы отдавили, а как приехали на место... Псы у них, Андрей, большие, злые, косматые. Забавно показалось, что я невелик, размером с собаку – вот и стравили с псом. Первого я задавил...

Он поднял лицо к балке, где был вмонтирован ви-проектор, нахмурился, подумал и буркнул:

– Нет, просто смотреть бесполезно, надо почувствовать. Не возражаешь?

Я не возражал. Есть вещи, истинный смысл которых не передашь изображением и звуком, как делают дети до второй мутации. К счастью, это не единственный способ.

Егор свесил голову, закрыл глаза. Через секунду-другую кровь стукнула у меня в висках, я ощутил сильные частые удары его пульса, и панорама Ниневии, со всеми ее стенами, башнями, садами и храмами, начала расплываться. Разумы наши искали тропу друг к другу, торили путь к слиянию. Внеречевой обмен с любыми партнерами не представляет трудностей, если его ограничить словами, но полный ментальный контакт возможен лишь с близким человеком. Редкий случай, когда незнакомца допускают к своим сокровенным переживаниям.

Контуров башен и стен исчезли, сменившись туманным, почти неразличимым фоном. Кажется, там была равнина, покрытая травой, какие-то повозки или фургоны, табуны пасущихся лошадей и люди, множество мужчин и женщин, обступивших меня плотным кольцом, орущих, улюлюкавших, махавших руками, приседавших, чтобы лучше видеть, колотивших соседей по спинам и плечам. Но это все происходило где-то в отдалении и не касалось меня – не касалось в данный момент, хотя эти люди имели власть надо мной и над моей жизнью. Сейчас эту власть и меня самого отдали зверям.

Я валялся на земле, стискивая пальцами две мохнатые жилистые шеи. Клыкастые пасти нависали надо мной, тупые когти скребли бок, разрывая одежду, кожу, мышцы, на ноги давил труп мертвого пса, и я никак не мог его скинуть. Я чувствовал боль в дюжине мест, там, где плоть была истерзана собачьими зубами и где впивались в тело когти, но это казалось не самым ужасным. Рука, правая рука! Пальцы левой пережимали горло псу, но правая кисть, сломанная, с раздробленными пальцами, мне не подчинялась. Я не мог прикончить эту мохнатую тварь, не мог подняться на ноги! Только ярость поддерживала меня, но и в ней был изъян – на кого я, собственно, ярился? На этих ли безмозглых чудищ или на людей, стравивших их со мною? Или на себя самого, на то, каким я стал – маленьким, слабым, лишенным ментальной силы? Стать бы прежним и прикончить псов одним ударом кулака! Впрочем, и удар не нужен – я мог просто приказать...

Шея под пальцами левой руки обмякла, но второй зверь тянул и тянул к горлу ощеренную пасть. Перехватить бы, стиснуть обеими руками...

Я не успел. Заорали, засвистели люди, послышался хриплый рык, и тяжесть в ногах стала сильнее. Еще одна тварь! Навалилась на тело дохлого пса, поводит башкой, высматривает, где рвануть, куда вцепиться...

Вцепился в пах. Жуткая боль пронзила меня, ярость сменилась отчаянием. Зубы у горла, зубы, что вгрызаются в живот... Пора уходить.

В последний миг я увидел лесную чащу с огромными деревьями – их стволы отливали золотом, а кроны из собранных в пучки синих игл плыли подобно облакам в прозрачном нефритовом небе. Под деревьями высился хрустальный купол, и из его распахнутых врат бежала ко мне девушка. Бежала, раскинув руки, точно хотела защитить меня от смерти.

Кельзанг... Родина Егора, где я никогда не бывал...

Переход к реальности был внезапным и резким. Стол из древесины вейлара, кувшин с вином, прозрачные бокалы и тарелки... Мы сидели друг напротив друга; я, сцепив челюсти, навалился грудью на столешницу, Егор, бледный, с черными дугами под глазами, вытирал со лба испарину.

– Прости, – пробормотал он, – прости... И спасибо, что ты поделил мою боль. Мой позор...

– Ты... остановил сердце? – с трудом выдохнул я.

– Да.

– Это надо было сделать раньше.

– Возможно. – Он помолчал. Краски жизни возвращались на его лицо. – Возможно, Ливиец. Но, видишь ли, так я никогда не уходил. Разная случалась смерть, но принимал я ее по собственной воле, и никогда – униженным и побежденным. Понимаешь?

Что тут было не понять? Наш мир отличается от прошлого не тем, что все свободны, сыты и довольны. Довольство, богатство и личная свобода воспринимаются теперь как непреложный факт, как имманентное правило жизни, а это меняет ее цель и смысл. Каждый из нас может владеть дворцом, усадьбой-бьоном на десяти мирах, любыми транспортными средствами, роскошной обстановкой, всем тем, что так ценили в прошлые века. Теперь это не значит ничего – меньше, чем ничего, если только не вспоминать о редкостных произведениях искусства. Императивы изменились, и в наше время главный капитал – личные достоинства и отношения между людьми. Высокая самооценка, гордость, честь, признание таланта и, как результат – слава и уважение. Даже власть, не в первобытном ее смысле, не власть над людьми, но лишь возможность влиять на события.

Мы, темпоральные странники, не можем забыть и отринуть все это. Погружаясь в прошлое и получая новое тело, мы несем с собой наш мир. Мы можем лицедействовать и убивать, подчинившись исторической неизбежности, но изменить свой модус вивенди не в силах.

Гордость Егора была уязвлена. Он не любил проигрывать, даже в мниможизни. Кельзанги все такие – быть может, оттого, что рост и сила не способствуют смирению. В нашем Койне мало уроженцев Кельзанга.

Мы поднялись. Бокалы и посуда на полированной крышке стола начали мерцать, растворяться, и в воздухе повеяло озоном. Мой друг распахнул мантию, дернул вниз нагрудник, и я увидел страшные шрамы между его ключицами.

– Как они были жестоки! Как жестоки! – задумчиво произнес он.

– Наши предки.

– Да, наши предки, ничего не поделаешь. Монстры проклятые!

На губах Егора мелькнула улыбка, и я с облегчением вздохнул.

07

В Петербург я вернулся ночью. Солнце давно закатилось, тихий город дремал под темным беззвездным небом, и только Невский, старинные набережные и мосты озаряли сполохи ярких огней. Со стрелки Васильевского острова и из садов за Петропавловской крепостью слышались звуки музыки, и над широким речным разливом кружили в воздухе танцоры.

– Он был там, – произнес Гинах, едва мы перешагнули порог кабинета. Мысли его оставались скрытыми, и я не понял, о ком речь.

– Кто и где?

– Принц, тот человек. Был на церемонии прощания.

Синева и упругость стали. Приоткрывшись, Гинах послал мне дополнительный образ: невысокий рыжеволосый мужчина с серыми глазами.

– Кажется, вы говорили, что он интересуется нашими занятиями? – спросил я. – Что же в этом странного? Прошлое у многих вызывает любопытство. Прошлое, наша необычная работа и мы сами... Легенды так притягательны!

– Не менее, чем легендарные герои, – буркнул Гинах.

В узкой длинной комнате, служившей ему кабинетом, была половинная сила тяжести, и мне казалось, что я вот-вот всплыву вверх, к белым закругленным потолочным сводам. Шел двадцать пятый час*, во тьме за окнами шумели кроны деревьев, журчала в гранитных берегах Фонтанка, перемигивались фонарики на мосту. Снег здесь не падал – весь исторический центр Петербурга был прикрыт силовыми экранами.

Поднявшись с кресла, Гинах прошелся к огромной печке, потом к окну. Длинные скользящие шаги – так ходят на Луне, Меркурии, Титане или в космических поселениях, в зонах пониженной гравитации. Комната была погружена в полумрак; слабо светились прозрачные панели столов и сиденья, повисшие в воздухе, тянули гибкие шеи конусы ви-проекторов, сияла мягким опалесцирующим светом голографическая стойка с картотекой, тысячи крохотных разноцветных клавиш, похожих на звезды, выстроенные по шеренгам и колоннам. Печь, покрытая расписными изразцами, похожая на маленький дворец, выглядела в этой обстановке анахронизмом.

– Я понимаю, что вы хотите сказать, – вымолвил Гинах, с задумчивым видом уставившись в окно. – Наши занятия так увлекательны и романтичны... Мы восстанавливаем историю Земли – не только факты, сооружения, сокровища былого, но живую, подлинную историю. Мы опускаемся в глубь тысячелетий, в шахты времени, где мы уже не мы, а люди минувших эпох, мы проживаем их жизни, чтобы добыть крупинцы истины, понять, как и почему случилось так, а не иначе. Насилие, боль, несправедливость, жестокость – все это знакомо нам, все, даже смерть! Мы умираем в муках снова и снова, чтобы поведать о том, чего уже нет, чтобы не забылось прошлое и каждый мог приобщиться к нему – пусть не в реальности, не в яви, а только в Зазеркалье, но все же попасть туда и увидеть, каким оно было. – Он резко повернулся ко мне. – Мы, Андрей, герои! Несомненно, герои – в нашем благополучном и счастливом мире. И этот мир нуждается в нас.

Прекрасная речь во славу исторической науки, подумал я. Нужны ли еще доказательства, отчего столь многие интересуются нами? Хотя бы этот Принц и троица его приятелей... Конечно, он пытался влезть в мой разум, не испросив разрешения, но и такое бывает – в первые годы после ментальной мутации, когда опыт мысленной связи еще незначителен.

– Он молод? – спросил я.

– Вы о ком? О Принце? – Гинах с сомнением хмыкнул. – Не думаю. Видимо, ваш ровесник, если считать реальное время. Вполне зрелый, но весьма бесцеремонный человек.

– Из ваших слов я заключил, что он испытывает тягу к героям.

– Неверный вывод, Андрей. Я лишь хотел проиллюстрировать ваш тезис о притягательности легенд. Но к Принцу это не относится – тут ни романтики, ни сантиментов, и цели весьма конкретные. Он... – Гинах на миг приоткрылся, и я ощутил его смущение. – Он хочет ознакомиться с нашими необработанными записями.

– Вот как? – Я был изумлен. Вторжение в чужую жизнь, в интимные воспоминания неэтично, а в данном случае речь шла об этом. Имеется разница между первичной информацией, добытой в поле, и сканированными с нее отчетами, но нельзя считать, что наши отчеты в большей степени субъективны. Нравы и обычаи ливийцев, их пища и одежды, приемы боя и охоты, фольклор, миграции и племенная иерархия – все это и многое другое есть достояние истории, однако ночи с Небем-васт – мои. Женщина в оазисе Кууш, куда я дополз полумертвым от жажды, яма в деревне нехеси*, где я утопал в нечистотах, раны от львиных когтей и жуткая боль, когда дубиной разбивают позвоночник, жуки и черви вместо мяса и лепешек – тоже мое, то, чем я не желаю делиться со всем человечеством. Как Егор картиной своей гибели... Делятся, конечно, но не со всеми, скажем так; иная память тяготит, и дружеское участие бесполезно.

Гинах сел. Что-то шевельнулось на печи, на самом ее верху, среди похожих на башенки украшений. Огромный рыжий, с белым подбрюшьем кот спрыгнул на пол, покосился на меня и, мягко перебирая лапками, затрусил к хозяину.

– Первичные записи? Зачем они ему? – Я нахмурился. – Думает найти что-то упущенное нами? Но это же надежды дилетанта!

– Согласен. – Кот устроился у Гинаха на коленях, и тот поглаживал мягкую шерстку. – Согласен насчет вашей оценки надежд, но могут быть и другие причины. Например, стремление поближе узнать нас, вас и меня.

– Он выбрал для этого не самый лучший способ.

– Наши желания иногда порождаются фокусировкой на какой-то идее. Как правило, из разряда великих.

Намек, но без ментальной подсказки, и потому я не мог с ним разобраться. Я молчал, пребывая в недоумении.

– Этот Принц... он из Койна Супериоров, – произнес после паузы Гинах. – Меня этостораживает. А вас?

Мне это было, в общем-то, безразлично. Отдельные представители человечества – в том числе, вероятно, и Гинах – относятся к супериорам с насмешкой и даже с опаской, но я их образа мыслей не разделяю. Склонность к созданию странных, по временам шокирующих концепций, как и вера в них, необоримы, но этого ли нужно опасаться? Хуже, когда идей нет вообще.

Супериоры со всей искренностью полагали, что нами перейден рубеж, который отделяет homo sapiens от homo superior – проще говоря, человека разумного от сверхчеловека. Не такая уж пустая мысль, если учесть перспективы общения с Носфератами, однако вывод из нее неверный. Вывод супериоров заключался в том, что человек, достигший божественной силы и величия, имеет право реализовывать любой проект, который в принципе возможен. Проекты предлагались всякие – скажем, создать Мыслящую Биосферу, наделив животных разумом, переиначить историю так, чтобы крови в ней было поменьше, или всем переселиться в космос в виде кораблей-киборгов. Последняя идея рухнула, когда мы узнали о Носфератах, вторая технически невыполнима, а что до первой, то был в ней все-таки рациональный элемент – правда, в части флоры, а не фауны. Звери в наше время поумнели, хоть и не стали разумными, зато возникли биоморфы, вид растений, способных к эмоциональной связи с животными и человеком.

Кот мяукнул и поглядел на меня с укоризной – видно, дошло, что опасениям Гинаха я не привержен. Гинах тоже это понял, поморщился и произнес:

– Понимаете, коллега, Принц явился ко мне с кучей вопросов о западных ливийцах, тех, кого вы зовете ошу. Насколько мне известно, они обитали на плато Танезруфт и дальше до самого океана. Так? – Дождавшись моего кивка, он повернулся к картотеке, и две ее клавиши, мигнув, стали увеличиваться в размерах, превращаясь в окна. – Я сопоставил ваши данные с моими, – продолжал Гинах, глядя на появившиеся в окнах изображения нагих фигур. – Вот типичный ошу или западный ливиец в тысяча шестисотом году до новой эры: представитель древнеазилийской расы с пониженным содержанием меланина и с очень плотным эпидермисом. Мощное, но сухопарое телосложение, рыжие волосы, серая радужка глаз, краниальные показатели... – Фигура в левом окне поворачивалась, рядом бежали цифры, выстраиваясь в таблицы и графики. – Главная особенность все-таки кожа, светлая кожа с низкой чувствительностью к ультрафиолету... А теперь взгляните на этого! Такие люди нанимались в войска Карфагена через тысячу – тысячу двести лет, и приходили они с запада. Ливийцы, по мнению римлян и пунов, но какая разница! Мало похож на ваших ошу, не так ли? Кожа гораздо темнее, и это не загар, я проверял...

Он пустился в подробности, но и без них суть проблемы была мне ясна. Мои ливийцы, что западные, что восточные, были белокожими и вообще не загорали – странный признак древнеазилийской расы, связанный с тем, что подкожный меланин у них почти отсутствовал. Ливийцы Гинаха выглядели иначе – смуглыми, хотя и отличными от нумидийцев и негров; определенно другой народ, сменивший ошу. Те племена, что жили на востоке, темеху и техени, мигрировали к нильским берегам и растворились среди египтян, гораздо более многочисленных – семь-восемь миллионов против пары сотен тысяч. С ними все понятно, но что случилось с племенами ошу? Возможно, они вымерли в пересыхающей саванне, были уничтожены или поглощены пришедшими с юга народами или, наоборот, поглотили их, смешав свою кровь с кровью негроидной расы? Не исключался любой вариант и все они вместе, в той или иной пропорции.

Когда окна картотеки съезжились и погасли, я спросил:

– Вы хотите выяснить судьбу племен, кочевавших в западной части пустыни в допунические времена? И, если я правильно понимаю, этот интерес стимулирован вопросами Принца?

Морщины на лице Гинаха сделались резче.

– Стимулирован не интерес, а опасение, – сухо заметил он. – У Койна Супериоров, знаете ли, бывают очень странные идеи. Фактически ни одна из них не реализована, но вдруг?... – Гинах помолчал, затем, многозначительно приподняв брови, добавил: – В Солнечной системе три хроноскофа, которые используются нами для исторических исследований. Но кто мешаает построить четвертый и применить его иначе?

Никто, подумал я. Можно лишь утверждать, что новых хроноскофов пока что нет, ибо такие приборы в Инфонете не зафиксированы.

Если бы все было так просто!

Их нет сейчас, но, вероятно, они когда-нибудь появятся. Или не появятся, но для каких-то проектов с благоприятным прогнозом используют наши установки. Об этих будущих проектах нам не известно ровным счетом ничего – как и о том, можно ли проследить последствия из воздействия. Мы полагаем, что таких последствий нет, что объективное время и ткань минувшего нам не подвластны, но доля сомнения остается. И Гинах знает об этом не хуже меня.

Не вступая в ментальную связь, мы уставились друг на друга. Кот встревоженно мяукнул. Кошки – чуткие существа, обычно они ощущают возникшее напряжение.

Наконец Гинах сказал:

– Вы понимаете, что я имею в виду? Был народ, и нет народа – исчез, как многие другие. Но об этих других есть масса информации, так что, согласно парадоксу Ольгерда, можно

о них не беспокоиться. А ваши западные ливийцы жили на самой окраине мира, с Египтом и культурами Средиземноморья не контактировали, и не осталось от них ничего, даже захоронений и письменных свидетельств... Тень истории, а еще – отличный объект для эксперимента.

Я невольно рассмеялся:

– Простите, Гинах... Какого же эксперимента? Вам кажется, что их изъяли, перенесли куда-то в объективном времени? Что Койн Супериоров осуществил вмешательство в историю – или, верней, осуществит его в будущем? Но это невозможно! Тот же парадокс Ольгерда, упомянутый вами...

Он приоткрылся, и я замолк, внезапно ощутив его растерянность и беспокойство. Эмоции, свойственные человеку, который полон подозрений, который выстроил гипотезу на шатких фактах и предчувствиях, и потому боится унизиться в глазах коллеги... Таков он, Гинах. Краб в жестком панцире... К тому же с излишне рациональным складом ума – сам я, не смущаясь, доверяю своим предчувствиям.

И предчувствие подсказывало мне, что возражать Гинаху не стоит. Мысль о вмешательстве в прошлое – тем более, таком вмешательстве – была абсурдной; я не представлял, какую цель могло преследовать изъятие ливийцев с запада Сахары. В мировой истории ошу не значили ровным счетом ничего – не персы, не китайцы, не англосаксы, даже не бушмены, дожившие до Эры Взлета. Народ-тень, как правильно заметил Гинах... Любые манипуляции с ними казались бессмысленными, да и самих манипуляций быть не могло, как утверждала теория объективного времени. Словом, доводов против гипотезы Гинаха – море, даже океан! Однако мой коллега не нуждался в возражениях, ему была нужна поддержка.

Как Егору, подумалось мне. С Егором мы разделили тяжесть поражения, а с Гинахом разделим бремя подозрений.

– Кенгуровый поиск? Желаете, чтобы я занялся этим?

– Да, Андрей. Да, да!

Кот заурчал и, приподнявшись, коснулся лапкой его щеки, будто спрашивая: что ты так разволновался, хозяин?

Гинах шумно выдохнул.

– Несвоевременная просьба, верно, Ливиец? Признаю, виноват... я отвлекаю вас, ломаю график погружений... да и другие работы... ваш незаконченный отчет... Но все же сходите, коллега, сходите туда для общего спокойствия. Как там у Ольгерда? Свершившееся – свершилось?

– Вот именно. Ткань прошлого нерушима.

Почти не слушая меня, он продолжал каяться:

– Вы ведь недавно вернулись? Долгая экспедиция, семнадцать лет мниможизни... Хотели отдохнуть, а я помешал, нарушил ваши планы? Я знаю, у вас есть подруга... Уйдете опять, она, пожалуй, рассердится... и это тоже на моей совести...

– Тоже, – мрачным тоном подтвердил я. Потом, не выдержав, улыбнулся. – Не тревожьтесь, Гинах, она не рассердится, хотя наверняка огорчится. Она с Тоуэка.

– О! Вам повезло, Андрей!

– Знаю, – машинально отозвался я, размышляя уже об иных предметах и материях. Кенгуровым, или скачущим, поиском именуется на нашем жаргоне ретроспективный обзор больших временных интервалов, цель которого – проследить судьбу определенной культуры на протяжении многих столетий. Скачки могут быть от нескольких лет до веков, в любом направлении, но в каждом пункте остаешься недолго, дни или месяцы, необходимые для быстрой рекогносцировки. В общем, прыгаешь взад и вперед, как кенгуру, пытаешься нащупать моменты расцвета и спада царств, величия империй и гибели их под натиском варва-

ров. Занятие более чем хлопотливое! И, разумеется, прыгать без возвращения в реальность можно лишь при надлежащей тренировке, с инструментарием для темпорального дрейфа.

Потом я вспомнил о карнавале в Пятиградье, куда мы собирались с Тави, о встрече с Саймоном и его таинственным приятелем, подумал о незаконченном отчете и произнес:

– Дней через десять, коллега. Раньше отправиться не смогу, есть другие обязательства. Гинах кивнул и поднялся, спустив кота на пол.

– Очень благодарен вам, Андрей. – В его голосе чувствовалось облегчение. – Итак, если мы закончили с делами... Не хотите ли пройтись по моему бьону? Тут есть кое-что интересное. В основном реконструкция, но все же, все же...

Он повел меня к двери, растаявшей перед нами. Его кабинет и другие жилые комнаты находились на третьем, самом верхнем этаже. За дверью во всю длину здания тянулся коридор; в одном конце – овальная проем портала, через который я прибыл, в другом – начало деревянной лестницы, ведущей вниз. Тяготение здесь тоже было уменьшенным – вероятно, поле гравигенератора накрывало всю постройку. Окна – а их тут оказалось восемь, венецианских, закругленных поверху – выходили в парк, за которым светилась огнями громада старинного многоэтажного дома. В простенках – портреты, писанные телирийскими красками: Жильбер, Ву, Аль-Джа, Ольгерд и Джослин. Отцы-основатели... Этим полотнам было не меньше двух тысяч лет.

Мы спустились по лестнице. От дубовых ступенек и перил пахло воском. Кот, забавно подпрыгивая, бежал впереди.

– Как его зовут? – спросил я.

– Что? А, этого рыжего... Афанасий, коллега, Афанасий. Умница, но хитрец! Командует в моем бьоне, даже конструкты его побаиваются...

Кот оглянулся, сверкнув изумрудными глазами. От него исходили ментальные волны благожелательности и лукавства. Вы властелины Галактики, будто говорил он, однако без нас не обойдетесь. Мы вам не слуги, не подданные, не рабы, а братья по плоти и крови. Меньшие, но все-таки братья.

Тоже завести кота? – подумал я. Или собаку? Псы больше не терзают людей, как в мниможизни Егора... Да и тогда – чем они виноваты? Животные лишь отражение наших эмоций; наткнулся на злобного пса, ищи поблизости злодея-человека.

Интересно, как уживется пес или кот с моим Сенебом?

Просторный, ярко освещенный зал второго этажа предназначался для карфагенских коллекций. Стены были задрапированы тканями; оксинит, универсальный материал нашей эпохи, прекрасно передавал фактуру полотна и шерсти, льняных одежд и тончайшего пурпурного и белого виссона. Панели, парящие в воздухе, поддерживали бронзовые кинжалы в филигранных ножнах, боевые топоры, луки и полные стрел колчаны, фибулы и пряжки из золота, меди и серебра с грубо ограненными самоцветами, светильники, серьги, браслеты, ножные цепочки с колокольчиками, металлические и стеклянные чаши, кубки, подносы, кувшины, резные жезлы, коробочки, отделанные лазуритом, ониксом и бирюзой, флаконы с какими-то снадобьями и бальзамами. У стен стояла или, скорее, висела в зоне нулевой гравитации разнообразная мебель, частично реконструированные копии, частично подлинники: табуреты, столы и ложа из слоновой кости, розового и черного дерева, расписанные яркими красками сундуки и шесть огромных шкафов с пергаментными свитками, моделями галер, повозок, колесниц и небольшими каменными изваяниями. Среди всего этого изобилия, в самом центре зала, виднелись огромные глиняные амфоры, заполненные оливками, финиками, виноградом и разного рода зерном. Продукты, конечно, голограмма, но амфоры – несомненный артефакт глубокой древности. Им было по крайней мере одиннадцать с половиной тысячелетий.

– Карфаген? – спросил я, бережно коснувшись шероховатой глиняной поверхности.

– Нет, из Утики. Если помните, Утику не стали восстанавливать. Все культурные слои на месте города просеяны, выбраны предметы, имеющие историческую ценность, и размещены в музеях и частных коллекциях. Мы с Жоакимом руководили работами. Он взял себе эти сосуды, а я – вон тот ларец и бронзовый светильник. Ну а потом...

Он мог не продолжать – Жоаким отправился к Носфератам лет восемьсот тому назад, когда меня еще на свете не было. Эти амфоры не только древняя реликвия, но и память об ушедшем друге...

Рыжий кот мяукнул, приглашая нас следовать дальше, на первый этаж. Здесь находились чертоги в карфагенском стиле: небольшой мощеный дворик и окружавшие его с трех сторон комнаты, обставленные мебелью из лондайла*, почти вечной генетически измененной древесины. Она имитировала кедр, палисандр и орех, слоновую кость и поделочный камень; сиденья и ложа были обтянуты шкурами львов, жирафов и зебр, темные слепые окна занавешены пурпурными шторами.

– Мое жилище, – пояснил Гинах. – Мой дом на Бирсе во время сорок второй экспедиции, когда я был купцом и одним из доверенных помощников суффета Итобаала Магониды. Шестой век до новой эры. Если хотите, включим ви-проекцию, и за окнами предстанет Карфаген – форум, Круглый порт, дома, корабли и морские стены. – Я покачал головой, и он, с видом гостеприимного хозяина, предложил: – В таком случае прошу сюда...

С четвертой стороны, за анфиладой увитых плющом арок, что делили двор пополам, мерцала под жарким солнцем вода в бассейне и простирался тенистый сад. Вокруг водоема были высажены пальмы – их кроны колыхались на десятиметровой высоте, темные гладкие стволы уходили в небесную синь, и справа меж ними высилась стела с изображением Баал-Хаммона, главного из карфагенских божеств. Дорожки, посыпанные толченым желтым кирпичом, петляли среди лавровых, гранатовых и оливковых деревьев, сбегаясь к площадкам с фонтанами и мраморными скамьями, цвел, распространяя сладкий аромат, какой-то кустарник, щебетали птицы, жужжали пчелы, тут и там виднелись цветочные куртины, но что росло на них, я разглядеть не мог.

Ви-проекция, конечно, но выполненная тщательно, с любовью к делу – наверняка здесь поработал хороший художник. Тем не менее Гинах тащил меня в этот мираж, прямо к увитой зеленью арке, и кот, шагавший впереди с задранной хвостом, как будто разделял его энтузиазм. Мы миновали первую из арок, затем вторую, третью, и я заметил, что тяготение растет. Затем в конце анфилады возникло Туманное Окно, затянутое розовой переливчатой мглой, мы нырнули в нее и очутились в настоящем саду под самым настоящим небом. Пальмы, водоем, скамейки, каменный Баал-Хаммон и все остальное-прочее было на своих местах, только небо оказалось не голубым и не синим, а цвета прозрачного янтаря, с двумя золотистыми яркими солнцами. Сад, очевидно, разбили на склоне холма – я видел, как между древесных крон просвечивает полоска земли, заросшая чем-то изумрудным, с желтыми и алыми цветами, а дальше дремал в солнечном свете зеленый океан.

– Малахит? – спросил я. – Кажется, там два солнца и такое же море цвета весенней травы... Неплохая планета, только жаркая – галактический рукав Персея, восемь тысяч триста парсек от Солнечной системы.

– Альгейстен, – поправил меня Гинах. – Родина Аль-Джа.

– А почему так безлюдно и тихо? – спросил я, но тут в янтарных небесах зарокотало, и над нами бело-золотистым призраком проплыл гигантский воздушный корабль. Кот, вспрыгнув на скамейку, проводил его неодобрительным взглядом.

– Не обращайтесь внимания. Любопытствующие путешественники с Бетастена и Ормузда, ближайших планет, – сказал Гинах. – А вообще-то здесь и в самом деле тихо и безлюдно. Почти незаселенный материк в северной полярной зоне... Ну а сад, который вы видите, находился при моей усадьбе к югу от святилища Тиннит, в семьсот тринадцатом

году, в период двадцать девятого погружения. – Вздохнув, он улыбнулся каким-то своим воспоминаниям и добавил: – Земли в Карфагене тогда были дешевы, а я владел целым флотом из восьми кораблей, возил переселенцев из Тира и очень неплохо на этом зарабатывал... Спустимся к морю? Хотите искупаться? Здесь чудный пляж, а воды так чисты, что...

– Нет. Пожалуй, я отправлюсь домой. Посплю немного, и за работу.

Мы двинулись обратно к portalу, миновали его, и Гинах задумчиво протянул:

– Вы еще спите, Андрей... А мне вот сон почти не нужен – так, раз в два-три дня.

Сколько вам лет?

– В реальности – пятьсот двенадцать.

– А в мниможизни?

– Больше шестисот.

– Вы младше меня, намного младше, но это ничего не значит. Ровным счетом ничего...

Настроить для вас портал?

– Не нужно. Хочу пройтись по набережной.

Он проводил меня к древней, вращавшейся на петлях двери и поднял руку в знак прощания. Я вышел, кот выскользнул за мной и тотчас исчез в траве. Близился третий час ночи; тишина, полумрак и влажная речная прохлада объяли меня. Слева, на мосту с четырьмя башенками и соединявшими их цепями, тускло горели фонари, справа, вдалеке, тянулась лента светящегося воздуха над Невским, а за спиной, выстроившись плотным рядом, дремали старинные дома.

Я пересек улицу, встал у парапета, за которым журчала река, и осмотрел жилище своего коллеги. Небольшое трехэтажное здание, зажатое и как бы заглубленное между более высокими соседями; от улицы его отделял палисадник, где росли два развесистых эльбука со стволами неохватной толщины. Фасад за ними был почти не виден, и я смог разглядеть только двери и пару окон внизу. Окна были такими же, как на третьем этаже – венецианские, закругленные сверху наподобие арки.

«Что здесь было?» – мысленно поинтересовался я, связавшись на секунду с Инфоне-том. «Центр обучения, – пришел ответ. – Школа, в которой в 1892–2088 годах учились дети. В Эпоху Унижения и последующие столетия постройка частично разрушилась. Восстановлена в 6120 году с максимальным использованием сохранившихся фрагментов, пропитанных консервантами. С тех пор частное жилище. Здесь обитали...»

«Перечислять не надо».

Я повернулся и зашагал вдоль кованой решетки парапета.

У городов и зданий, даже поверженных в руины, долгий век. Это понимаешь, когда встает задача восстановления и реконструкции города, особенно города-долгожителя вроде Рима, Афин, Парижа или Пекина. Любой из них имеет добрую сотню обличей, и все они привлекательны – к примеру, императорский Рим ничем не хуже Рима Эпохи Взлета. Приходится выбирать. Один облик, древний, но живой, остается в реальности, другие хранит Зазеркалье, и посетить их можно только в мниможизни. С Петербургом было проще – этот город много моложе Рима, и его восстановили таким, каким он был в середине двадцатого века. Мосты, соборы и дворцы, многоэтажные кирпичные дома, гранит набережных, парки, брусчатка, фонари и филигранные решетки...

Еще статуи. Я добрался до моста с четырьмя изваяниями – конь, сразившийся с человеком и покоренный им – и замер, прижавшись спиной к теплому пьедесталу. Невский тек мимо меня в мерцании цветных огней, в сиянии глаз и лиц, в говоре, смехе и музыке, в ярких одеждах и свежих запахах карельской сосны и близкого моря. Ночь в огромном городе – время веселья, время влюбленных, время тех, с кем встретился впервые, и тех, с кем расстанешься навсегда. Радость требует вина и нежных объятий, танца, улыбки, пожатия рук, но все это может скрасить и горький мед разлуки. Я помню об этом, я это знаю... Помню, кля-

нусь теен и кажжа! Здесь, в этом городе, я встретил Кору, и здесь мы с ней расстались, когда я решил перейти в Койн Реконструкции. Мы сидели в маленьком кафе на углу Невского и Литейного, я гладил ее руки, а потом, подняв бокал, сказал... Что?.. Какие слова?..

– Ты один?

Девушка. Совсем еще юная – может быть, год или два, как с Детских Островов. Темная челка падает на лоб, глаза карие, губы словно лепестки тюльпана... Красивая... В нарядном, косо срезанном от бедра к колену платье – алый паутинный шелк, кружева, пояс с пурпурными камнями. Молодая, не умеет разбираться в чужих эмоциях – грусть о минувшем мнится ей тоской одиночества.

– Ты один? – повторила она и тут же, не дожидаясь ответа: – В такую ночь нельзя быть одному. Пойдешь с нами... со мной?.. Я – Ольга.

Образ чайки над прозрачной, как стекло, водой. Милая девушка, добрая, но не моя.

Оторвавшись от гранитного пьедестала, на котором боролись конь и всадник, я шагнул в полумрак набережной.

– Меня зовут Андрей. Спасибо, Ольга, но я не одинок. Ты ищи, девочка, ищи... Кто-то ждет тебя – узнаешь, не ошибешься.

– Не ошибаются только на Тоуэке, Андрей!

Она рассмеялась, исчезла в толпе. Я отступил еще дальше в тень и тишину, что нарушал лишь шорох речного потока, упрямо полировавшего гранит. «Не ошибаются только на Тоуэке!» – звучало у меня в ушах. Желание вернуться домой, к Сенебу и отчету, внезапно покинуло меня, зато потянуло в Антард, к моей сероглазой фее. Тут, на Невском, порталы во всех ресторанчиках и залах развлечений... Шаг в Окно, и я в ее бьоне, в теплых сумерках под Южным Щитом...

Но вместо этого я вызвал глайдер. Бывают моменты, когда торопиться ни к чему, и надо узнавать их – так, как узнаешь тропинку вzybучих песках, место, куда поставить ногу. Инстинкт и ментальное чувство подсказывают: остановись и не спеши!.. – и это верный знак нарушенной гармонии или каких-то сложных обстоятельств, над коими полезно поразмыслить. Погрузиться в них, отрешившись от мыслей о Тави, ее губах, глазах и голосе, забыв на время о работе, а заодно и о собственном теле.

Воздух чуть слышно зашелестел – глайдер, хрустальный стакан на фоне темного неба, завис надо мною. Разрешающий жест, на миг пропавшее ощущение тяжести, и я очутился в аппарате. Затем – череда мысленных образов-картинок: парабола, что изогнулась над миром гигантскими воротами от Балтики до Детских Островов, жилой купол Октавии, яблоня, сирень и золотистый тростник, лицо моей феи и отражение в зеркале белого как снег цветка.

Глайдер ринулся вверх, мгновенно пробив низкие тучи. Бездонное звездное небо распахнулось предо мной, и я как будто уже не поднимался, а падал и падал в его глубины, словно подбитая птица над ночным городом, сиявшим миллионами огней. Звезды-огни померцали недолгое время, потом, когда глайдер вышел за границу ионосферы, сделались ярче и застыли в ледяной пустоте. Но искры рукотворного света пылали все сильнее и сильнее. Разворачиваясь изогнутыми коническими хвостами, поплыли в черной пропасти северные шлейфы – Первый Верхний, Второй, потом Сибирский, Скандинавский, Шлейф Полярной Звезды и Шлейф Кассиопеи. Конус Полярной Звезды, где находилась база Констеблей, светился особенно ярко – огромная конструкция в точке Лагранжа то озарялась вспышкой ослепительного света, то чуть тускнела, и тогда я мог различить эллипс пространственного портала между разнесенными на сотни километров шарообразными генераторами.

«Выталкивают корабли... Куда?» – мелькнула и исчезла мысль. Завороженный ритмичными сполохами, я уплывал из реальности в Зазеркалье, из мира звезд, планет, космических доков, станций и орбитальных поселений в галактику ноосферы, что раскинулась невидимой сетью над Землей и протянулась до границы Мироздания, дальше самых далеких

солнц. Никто из живущих, кроме, возможно, Носфератов, не представляет этих границ, если они существуют, и еще меньше способен представить, что таится за ними, но сеть Инфонета беспредельна. И в ней всему хватает места, от квантов до гигантских звезд, от атома до туманности в тысячи парсек, от амебы до человека, от человека до Носферата.

Мгла при входе в Зазеркалье дрогнула и разошлась. На краткий, почти неощутимый миг я словно раздвоился: одна моя половинка, та, что оставалась в глайдере, взмывала – или падала?.. – в звездную Вселенную; другая была вне времени и вне пространства – подхваченная информационным потоком, она неслась в лабиринте мегалитов, отыскивая свой портал. Искра, мерцающая желтизной песчаных дюн и серым цветом камня...

Чувство раздвоенности исчезло. Я стоял в иллюзорном холле, преддверии своего сайта: слева – проход в ванную, справа – камин и двери в спальню, а в глубине – Туманные Окна. Зеркальная пленка затягивала их, и в каждом я видел отражение, но не свое, а Гибли – Гибли-Аупута, каким я был в последней экспедиции. Мускулистый обнаженный торс, бледное свирепое лицо, рыжие патлы и убор из перьев страуса... Шутки подсознания! Но не пустые, а с явным смыслом: кажется, я был готов исполнить просьбу Гинаха и принял соответствующий облик.

Что-то должно сейчас произойти... Соединение разума с инфонетной средой по временам давало поразительный эффект, подобно тому, как смесь селитры и серы образует порох. В различных ситуациях это могло проявиться по-разному – как связь с Носфератом, как ментальный импульс, ведущий к построению логической конструкции, как откровение или подсказка на языке Эзопа, на уровне метафор и чувственных ассоциаций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.